Прот. Т.И. Буткевич
Профессор Военно-Юридической Академии

К ВОПРОСУ
О СМЕШАННЫХ БРАКАХ

Харьков

Типография «Мирный труд» Девичья улица, д. № 14

1913

К вопросу о смешанных браках

Высокопреосвященный Антоний, Архиепископ Волынский, как прямой, стойкий, откровенный и неустрашимый святитель Православной церкви Русской, уже со времени злосчастной революции нашей, стал предметом злости и крайней враждебности со стороны всех непримиримых недругов России – как политических, так и религиозных. Его ненавидят все революционные партии, его не терпят все иноверные фанатики как в России, так и за границей. В последнее время на него изливаются всевозможные нападки со стороны протестантов и в особенности католиков – поляков, немцев и финляндцев – за то, что он воспретил в своей епархии православному духовенству совершать так называемые смешанные браки – иноверцев с православными. Поведение Высокопреосвященного Антония осуждается и с канонической и с политической точек зрения. В первом случае архиепископа Антония объявляют сознательным противником действующего в России церковного права – Духовного Регламента, который, как известно, допускает с некоторыми ограничениями смешанные браки; в последнем – доказывают, что преосвященный Антоний своим воспрещением смешанных браков приносит явный вред и России и русскому народу. С текущего года в С.-Петербурге стал издаваться заядлым католиком – поляком Корвин-Милевским крайне тенденциозный журнальчик «*Борьба с ложью*» (правильнее его следовало бы назвать «*Борьба лжи с правдой*»). В последнем № этого журнальчика (№ 7, от 29 августа 1912 г.) помещена статейка*: «Еще о смешанных браках»,* в которой доказывается (конечно, сознательно ложно), что запрещением смешанных браков архиепископ Антоний будто бы причинил непоправимый вред России и русскому народу. Заботясь об интересах России, автор этой статейки, заядлый поляк, пишет: «Смешанный брак, по нашему мнению, является самым лучшим способом мирного объединения народов, живущих одною общею жизнью. Можно даже сказать: это вернейший способ ассимиляции наций, после чего получается одно, более сильная, чем две ее составившие. Мы не будем ссылаться на многочисленные уроки и примеры истории развития рода человеческого (ниже мы увидим, как не выгодна такая ссылка для противников архиепископа Антония!), так как те, к кому мы адресуемся, не хуже нас все это знают. Если же знание этого не препятствует им все-таки идти против исторически доказанной необходимости, то *мы можем объяснить такое явление довольно просто* (?!). *Уроки истории* нам не нужны, говорят они, нам нужно и важно создание декораций, важно создать борьбы двух наций, двух религией. Такие побуждения и руководят теми иерархами, которые категорически высказываются против смешанных браков. В одной из таких (?) епархий, Волынской, произошла странная вещ. Дело в том, что в этой епархии смешанные браки запрещены совершенно. Причиной этого был протест местного архипастыря, одного из выдающихся современных церковных деятелей, архиепископа Антония Волынского. Мотивы такого запрещения нам неизвестны. Прошло время. Низшие представители духовной власти в Волынской епархии, живя близко, бок о бок, с народом, видели, что такое запрещение вносило рознь в мирное, трудовое население волынской деревни, заставляло считать врагами людей, стремящихся связать себя узами родства, заставляло безхитростного селянина – землероба (хлебороба?) пускаться в обходы запрещений и циркуляров, хоть и в рамках закона. Достаточно было переехать границу Волынской губернии и невозможно там – здесь становилось возможным. И все это (?) делалось под одним общим руководством Св. Синод (?!). Кроме того, как ни ограничено (!) действие закона 17-го апреля 1905 г., но все таки он принес населению Волыни значительно облегчение. Вопреки своим традициям, своим внутренним убеждениям (!), молодые люди искали пути сближения, покидая веру отцов (!!). А виновато в этом не что другое, как запрещение смешанного брака. Теперь это запрещение снова подтверждено Архиепископом Антонием на том основании, что смешанный брак есть ступень к переходу в католичество. Позволим себе думать, что здесь произошло нечто непонятное (!). Почему только ()? Население Волыни считается

неустойчивым в догматах веры православной, а население Подолии, Киевщины уже может быть оставлено без опеки, принудительной, а не вразумительной? Волынь счастливее своих соседей, в ней ведь находится форпост православия, оплот национализма – знаменитая Почаевская Лавра. Непонятно это запрещение[1]. Нелогично и не зиждется на действительно правильных основаниях (?!). Именно запрещение смешанного брака вдет к перемене веры. Может быть, предполагается переход из католичества в православие? Так это достигается в гораздо большей степени при посредстве смешанного брака (!?), так как все потомство его идет в церковь (!), а не в костел (?). Выходит, что запрещение браков есть ловля журавля в небе и упущение синицы из рук. Как бы то ни было, а мы делаем из этого новый вывод. Мы утверждаем, что это запрещение раздражает население , не приносит тех результатов, каких хотят от него, и стоит, как огромный камень преткновение, на пути мирного (!) (а по нашему мнению, вернее сказать: на пути грубого поглощения католичеством польским православия русского!), мирной (!?) совместной жизни различных национальностей в западном крае. И в силу этого мы полагаем, что оно является следствием не религиозных потребностей, а следствием политических указаний и националистического лозунга, пагубным для государства и идущим в разрез с основными началами христианской веры (!). Христианство зовет: «да любите друг друга», – а только «националисты» кричат: «грызите друг друга в Волынской епархии». Позволяем себе напомнить про это Его Высокопреосвященству Архиепископу Антонию Волынскому».

Мы хорошо понимаем, что побуждает иноверцев и инородцев – поляков, немцев и финляндцев – нападать и – иногда в очень грубой и неприличной форме – на архиепископа Антония за запрещение им смешанных браков в своей епархии. Мы умеем ценить и заботы поляков б интересах и пользе русского православного населения. С указаниями поляков в данном случае мудрому политику следовало бы поступить так же, как, по наставлению Магомета, его последователи должны относиться к советам женщин: «слушай женщину, – и – поступай наоборот!» Но мы решительно не понимаем, когда в унисон с поляками поют люди, называющие себя русскими и даже православными. Что побуждает их осуждать архиепископа Волынского за запрещение смешанных браков? Крайнее ли невежество и непозволительно незнание канонов нашей Православной Церкви или бессмысленный массонский космополитизм, признающий все национальные права других народов и отрицающий интересы русского государства? Или ложный гуманизм, ради легкомысленной популярности, заставляющий сентиментальничать пред явными врагами родины и закрывать намеренно глаза, чтобы не видеть ран и страданий своего народа, усыпляющий совесть различными несбыточными теориями и одурманивающий разум ссылкою на суждения западноевропейских политиканов и русских жидокадетствующих интеллигентов?… Какой мудрец разъяснить нам их поведение?

Мы никем не уполномочены выступать на защиту Волынского Архиепископа…Да о не нуждается в защитниках: его архипастырская совесть, по нашему мнению, более чем спокойна, ибо, запрещая в своей епархии смешанные браки, он не сделал ничего противного церковным канонам, напротив, – он только мужественно выполнил требования своего долга…Если мы решились высказать в настоящий раз свое мнение, то это мы делаем с единственною целью – оказать помощь тем, которые интересуются вопросом о смешанных браках и желают с безпристрастием и объективностью разрешить его для себя.

Что же мы скажем?

1. Запрещение смешанных браков, с церковно-канонической точки зрения, совершенно правильно и не может подлежать осуждению, как нечто противуканоническое. Церковные каноны безусловно воспрещают смешанные браки. Так, 72-е правило шестого вселенского собора гласит: «Недостоить мужу православному с женою еретическою браком совокуплятися, ни православной жене с мужем еретиком

[1] А выше было обещано «объяснить *его довольно просто*»

сочетаватися. Аще же усмотрено будет нечто таковое, сделанное кем либо: брак почитати не твердым и незаконное сожитие расторгати. Ибо не подобает смешивати несмешаемое, ниже совокупляти с овцею волка и с частию Христовою жребий грешников. Аще же кто постановленное нами преступить: а будет отлучен. Но аще некоторые, будучи еще в неверии и не быв причтены к стаду православных, сочеталися между собою законным браком: потом един из них, избрав благое, прибегнул ко свету истины, а другий остался во узах заблуждения, не желая воззрети на божественные лучи, и аще притом неверной жене угодно сожительствовати с мужем верным, или напротив мужу неверному с женою верною: то да не разлучаются, по божественному Апостолу: святится бо муж неверен о жене, и святится жена неверна о муже (1 Кор. 7, 14). Таким образом, это правило вселенского собора, признаваемое в Православной Церкви действиующим правом или законом и в настоящее время, как неотмененное никаким вселенским собором, не только воспрещается смешанные браки, но и категорически требует развода или расторжения таких браков, как «нетвердых и незаконных». Следовательно, если какой либо православный епископ воспрещает в своей епархии смешанные браки или даже требует расторжения их, то он поступает лишь согласно правилу своей Церкви, ясно выраженному в постановлении шестого вселенского собора, и своей святительской совести, ибо, как мы видели, каждому нарушающему это церковное правило или не соблюдающему его вселенский собор угрожает отлучением от церковного общения. Ни о какой политике, ни о каком «зверином национализме» здесь не должно быть речи, как не руководствовались никакими политическими соображениями и отцы шестого вселенского собора. Нет поэтому ничего удивительного в том, что в православной восточной церкви указанное правило 6-го вселенского собора было всегда строго исполняемо. Матфей Властырь в своей Алфавитной Синтагме (немоканонический сборник XIV века), приведя 72 правило 6-го вселенского собора, в уяснение его говорит далее: «если по гражданскому закону (разумеются, очевидно Dig.XXIII, 2 L.1. in Basil. Lib. XXVIII, tit. IV, cap. 1., tom III, p.166; Proch Zach tit. IV, cap. 1., p.26; Pr. Nom. Harmen.IV,tit. IV, § 1 p. 484), брак определяется, как общение о соучастие в божественном и человеческом праве, то как могут сойтись между собою те, которые различаются душевным расположением относительно большого, которые противоположно думают о вере? По сему (72-е правило 6-го вселенского собора) повелевает, по расторжении беззаконного (смешанного брака, и отлучать от общения тех, кои преступают его. Затем в доказательство недозволительности смешанных браков Властарь ссылается и на другие каноны, напр., на 14-е правило IV вселенского собора, 10 правило Лаодикийского собора и 21 (30-е) правило Карфагенского собора; а по поводу 31-го правила Лаодикийского собора он пишет: «Лаодикийского 31-е говорит: не подобает со всяким еретиком заключати брачный союз, или отдавати таковым сынов или дицерей из опасения, чтобы не научились лжеучению их, «но паче брати от них, аще обещаются христианами быти». А выражение: «не подобает со всяким еретиком» употреблено вместо: «ни с каким». Ибо это – особенность Писания, как, напр., «не убойся, егда разбогатеть человек, яко внегда умрети ему, не возмет вся» (Пс. 48, 17,18), ибо не возможно взять и чего нибудь. И в другом месте: «еда не всуе создал еси вся сыны человеческия»(Пс. 88, 48), ибо всуе созданных нет: ибо нечестиво думать это». По изъяснению Властаря, церковные каноны допускают брак иноверцев с православными при том непременном условии, чтобы иноверцев предварительно совершения брака принял православие, и таким образом стал действительным членом Православной церкви. В таким именно смысле он понимает, напр., 14-е правило IV вселенского собора: «если еретик или неверный – пишет он (Синтагма в переводе Ильинского, Симферополь, 1892, стр. 120), – может быть, обещается присоединиться к православной вере, то договор (о браке) может состояться, говорит (указанное правило), но бракосочетание должно быть отложено до тех пор, пока обещание не

будет подтверждено самым делом. И от латинян требуется, чтобы они исполняли сие, когда они намерены брать православных жен. А непокорящиеся сим постановлениям подлежат епитимям по правилам, ибо, вместе с расторжением брака, преступающие подвергаются и епитимии». – Правда, император Юстиниан сделал – было попытку дозволить смешанные браки с ограничениями, практикующимися ныне у нас, в России, и он издал даже закон в этом смысле (срв. Cod. Iustin. 1, 5, 18, 19. Nov. 109, cap. 1. Nov. 115, cap. 3. § 14). Но отцы 6-го вселенского собора, имея именно в виду этот Юстиниановский закон, в отмену его, своим 72 правилом и воспретили категорически смешанные браки.

В XVIII примеру Юстиниана хотел было последовать и константинопольский синод, под давлением политических обстоятельств, постановивший – дозволить совершение смешанных браков. Но его постановление навсегда осталось лишь на бумаге: в греческой церкви смешанные браки признаются канонически недозволенными и в настоящее время. Что касается православных церквей в славянских государствах, то в них практика довольно не одинакова. Никодим, епископ Далматинский в своем «православном Церковном Праве» (СПБ. 1897 г., стр. 623) пишет: «Вопрос о смешанных браках в настоящее время нормирован в отдельных государствах, смотря по положению, занимаемому православною церковью. В данном государстве относительно других вероисповеданий, и затем в сообразности с так называемым либеральным духом, в большей или меньшей степени распространенным в том или другом государстве». Т.е., по созданию Далматинского епископа, практика славянских православных церквей в настоящее время зависит уже не от канонов вселенской Церкви, не от правил соборных, а политических случайностей и «либерального духа»… Горькое сознание!..

В нашей Русской Православной Церкви до времен Петра Великого смешанные браки были признаваемы, в согласии с церковными канонами, совершенно недозволенными, – и наши архипастыри имели мужество отечески обличать даже князей, иногда выдававших своих дочерей в замужество за иноверцев. Так, всероссийский митрополит Иоанн II (1080–1089 г.) в своих «канонических ответах» пишет: «Выдавать дочерей благороднейшего князя в замужество к народам, причащающимся опресноков, и достойно и весьма неприлично. Он, милостию Божиею благочестивейший и православнейший князь, за такие браки своих детей имеет подвергнуться церковным запрещениям. Ибо божественный устав и мирской закон повелевают поимать жен тоя же веры: ибо поимание (т.е. брак) есть божественного и человеческого повеления общение и сочетание».

В настоящее время смешанные браки в России – не редкость. Что же служит каноническим основанием для разрешения таких браков? Духовный регламент и Устав Духовных Консисторий. Впрочем, в Устав Духовных Консисторий, собственно говоря, нет прямого дозволения совершать смешанные браки: в нем оно подразумевается как факт существующий, – и потому в двух статьях его (26 и 27) речь идет лишь о том, где и как должны быть совершаемы смешанные браки. Таким образом каноническое основание для смешанных браков нужно искать только в Духовном Регламенте. Но что сказать вообще об этом каноническом памятнике? Иностранные ученные канонисты (разумеем, по преимуществу – немецких) высказывают о нем весьма невысокое мнение. С канонической точки зрения, они считают его несоответствующим достоинству христианской Церкви и требующим, по меньшей мере, пересмотра, если не совершенного уничтожения. Русские канонисты также разделяют это мнение и открыто (печатно) повергают Духовный Регламент своей научной критике, раскрывая его недостатки, недопустимые в источнике канонического права. Так, его считают памятником неканоничным, по самому его происхождению, так как в своем первоначальном виде он был одобрен сенатом, а не епископатом Русской Православной Церкви: подписи епископов были отобраны только впоследствии и при том не на соборе епископов, а от каждого епископа отдельно, и не без давления со стороны светской власти. Осторожный в высказывании своих личных мнений

профессор Горчаков так говорил даже своим слушателям, в своих университетских лекциях, о происхождении Духовного Регламента[2]: «Что касается до истории составления регламента, то мы знаем о ней следующее: 23 февраля 1720 г. Петр внес в Сенат проект названного акта, предписав Сенату совместно с архиереями (7-ю) рассмотреть его и сделать соответствующие замечания. Сенат исполнил предписания Государя и в заседании 24 февраля рассмотрел проект, дополнив некоторые постановления, касающиеся мирских людей. Затем проект был разослан по всем епархиям. Цель подобной посылки неизвестна. Быть может, Петр хотел, чтобы епархиальные власти, близко стоящие к духовной жизни провинции, сделали свои замечания и пополнения к проекту, иначе говоря, может быть, Государь хотел привлечь к участию в составлении Духовного Регламента и провинциальное духовенство. С другой стороны, цель посылки проекта, может быть, ограничилась только тем, чтобы добыть одне подписи епархиальных властей, имея в виду этим способом придать Регламенту большую силу и значение». Подписи от епархиальных архиереев отбирал полковник Давыдов.

Профессор Суворов уличает Духовный Регламент в усвоении лютеранских воззрений (напр., в отделе «о мирских особах»). И действительно, странным кажется нерасположение составителя Духовного Регламента, напр. ко многим обрядам, монашеству, мощам, о которых будто бы «много наплутано», к явленным и чудотворным иконам, которых «проискивать в пустыне или при источнице» будто бы повелевали архиереи, к жителям святых, к «многочисленным молениям, хотя бы и прямые были», как акафистам и молебнам и т.п. Непонятно в регламенте и осуждение тех мирян, которые приглашают в свои домы священников на пение вечерни, или заутрени и прочая (т.е. молебнов, панихид). Составитель Регламента недоумевает: «кая причина звать священника в дом на пение, которое и без священника быти может»? Есть в Регламенте и такие места, которые не легко признать безупречными с точки зрения христианской морали. Сюда нужно отнести, напр., следующие правила: «Может епископ и тайно у меньших церковников, и аще кто иный угодный покажется, спрашивать, как живут пресвитеры и диаконы»… «Иные дела и поступки, как священства, так и приходских людей, могут быть утаеваемы пред епископом; и о таковых тайно и искусно проведывать»… «О правлении и поведении близких (аще где суть) монастырей лучше спрашивать в градах и селах от священства и мирян, нежели в самых монастырях о том же проискивать мощно и т.п.

Профессор Павлов[3] не признает Духовного Регламента ни по его форме, ни по содержанию, чисто законодательным актом, а вместе и литературным памятником, так как он наполнен общими теоретическими рассуждениями и часто впадает в тон сатиры, несвойственной акту церковного законодательства, каковы, напр., в нем места о власти и части епископской, об архиерейских визитациях, т.е., об объезде архиереями своих епархий, о церковных проповедниках, о народных суевериях, разделяемых и духовенством и проч. Язык Регламента –вульгарный, уличный, совершенно несоответствующий достоинству предмета. Регламент не чужд даже таких выражений, как: бездельник, скотина, дурость, детина непобедимой злобы, девка и женка простоволосые, плут «вси семинаристы, как солдаты на барабанный бой», прошаки и пр. Таких выражений нельзя встретить в соборных определениях и канонических актах.

Осмотрительный, скромный и неизменно преданный Церкви, чуждый ложного либерализма, казанский профессор Бердников подвергает Духовный Регламент строгой критике даже в своем «Кратком курсе церковного права Православной Церкви» (Казань, 1903, стр. 296 и след.). Все мотивы перемены патриаршего управления на синодальное он признает тенденциозными, не соответствующими действительности и «непопадающими в цель». Составитель Регламента, по утверждению Бердникова, издал акт обидный и оскорбительный для всего епископата Русской Церкви, изображая патриархов и

[2] Церковное Право Спб. О 1909 г., стр. 65–66.
[3] Курс Церковного Права, 1902, стр. 185

епископов духовными сановниками, которые только о том и думают, как бы сочинить бунт против Монарха и произвести какое нибудь политическое замешательство…А «вожделенным желанием составителя Д. Регламента» было то, «чтобы церковная иерархия пребывала в кротости и принижении до полного лишения голоса в делах общественных»… Результатом чисто канонических дефектов Духовного Регламента, естественно, явилось то, что значительная часть его постановлений вскоре утратила свое практическое значение вследствие невозможности исполнения их на практике или замены последующими постановлениями, а некоторые пункты и совсем не были приводимы в исполнение. Так думает и профессор Павлов.

В настоящем своем виде Духовный Регламент представляет не цельное произведение, а лишь сборник механически соединенных церковно-канонических актов. Таким именно механически пришитым к Регламенту актом является и рассуждение о смешанных браках, носящее такое заглавие: «О браках правоверных лиц с иноверными Рассуждение, в Святейшем Правительствующем Синоде сочиненное. Напечатано повелением Царского Величества Петра Первого всероссийского императора, благословением же тогожде Святейшего Правительствующего Синода первыми изданием. В Санктпетербурге 1721 года, месяца августа в 18 день». Рассуждение это изложено в виде послания Св. Синода «Всероссийские Православные Церкви сыновом» с указанием многих мотивов для оправдания смешанных браков. Такое изложение заставляет невольно думать, что сам Синод опасался того соблазна, который должно было произвести среди православного населения появление в России смешанных браков. И он не ошибся: соблазн был большой; старообрядцы и ныне не перестают осуждать православных, вступающих в брак с иноверцами.

Православные канонисты, конечно, не могут оправдывать приведенного в Духовном Регламенте рассуждения о смешанных браках – не с практически государственной точки зрения, а лишь с церковно-канонической. Впрочем, нужно сказать, что как повод, так и самая мысль о допущении смешанных браков принадлежат не Синоду, а правительству светскому. Синод, собственно говоря, формально не делает постановления о дозволительности смешанных браков, а только старается оправдать в глазах православного населения требование такого рода браков со стороны гражданского правительства, вызванное настойчивою государственною потребностью тогдашнего времени: «понеже брачитися православным с иноверными дело есть не без сумнительства совести»…, то «Правительствующий Духовный Синод, смотря на некие главные таковых браков вины и нужды в Российском Государстве, и желая подать врачевство бываемому о сем недоумению простосердечных, но немощных, и в учении неискусных человек, судил за должность свою ясно протолковать, коих ради вин браки с неверными, или с иноверными, то есть, с Христианы, но в неких догматах нам несогласными, запрещаются». По утверждению самого Правительствующего Духовного Синода, он, «и видя великую на некиих в России местах брачного иноверных с верными сочетания нужду, не попускает просто православным с инославным сочетаватися, но также уставляет оберегательство, при котором отнюдь ни опасатися совращения лица верного». По этой причине Св. Синод и опубликовал не определение свое, а только рассуждение о смешанных браках. Здесь мы находим формальный ответ на недоумение некоторых: мог ли Св. Синод, как церковное учреждение, только заменяющее лице патриарха (брат восточных патриархов) отменять постановление вселенского собора? – Такого отменения Св. Синод не сделал, ибо прямого дозволения совершать смешанные браки он никогда не давал.

Поводом и побуждением к рассуждению о смешанных браках, по заявлению Св. Синода, для него послужило следующее обстоятельство: «В нынешнем 1721 году, Маия 6 дня нам, правительствующему Синоду, подано из Берг-Коллегии доношении, а в нем написано: В прошлом 1720, по Имянному Его Царского Величества Указу, посланы в Сибирскую губернию для прииску рудных мест и строения, и размножения тамо заводов,

от артиллерии капитан Василей Татищев, да Берг-мейстер Блиер с прочими, – которым велено, ежели из обретающихся в Казанской и Сибирской губерниях из Шведских арестантов из офицеров и прочих служителей, и хотя уже которые и службу приняли, а найдутся к рудному делу способные, оных к рудному делу принимать невозбранно, о чем из Военной Коллегии Указом позволено-ж. И марта в 7 день сего году из Сибирской губернии помянутый капитан Татищев и Берг-мейстер Блиер в Берг-Коллегию писали, что де обретающиеся тамо Шведские пленники многие имеют охоту селиться для торгов, где б особое место им дано было, и позволеноб было жениться им на русских девках без применения их веры. Но понеже у многих, которые было поженились волею, за разность веры жен поотняли, и отданы иным в супружество, и для того опасен всякой принять и службы; ибо своея веры жены достать тамо не может, а русской не дают. А по мнению Берг-Коллегии обретающимися тамо Шведскими пленникам, которые имеют искусство в рудных делах и в торгах, и в службу Государеву идти пожелают, и таким в женитьбе на русских девках, без перемены их закона, позволение дать надлежит: понеже в чужих краях в рудных делах гораздо искусных людей достать трудно, и мало таких сыскать можно, дабы кто, тамо оставя свои домы и промыслы, и в Россию пошли в службы, а инде оным в выезде в службу в Россию от Потентантов их и не без запрещения».

Итак, из приведенного видно, что не Св. Синод, а светское правительство признало неизбежным дозволить иноверцам, без перемены их закона, жениться на русских девках. Что оставалось делать Св. Синоду, с одной стороны при наличности крайней государственной нужды, а с другой – при сознании, что брак есть такого рода акт, который одновременно подлежит юрисдикции как Церкви, так и государства? Оставалось, для успокоения «сумнительства совести» только очевидно, «протолковать» православному населению, «коих ради вин браки с неверными или с иноверными запрещаются», – что Синод и сделал. Но трудно защищать то, чего защитить невозможно. Поэтому и неудивительно, что доводы, приводимые в рассуждении, помещенному в Регламенте, многим представляются неудовлетворительными.

А) Смешанные браки были запрещены еще в Ветхом Завете. Так, Господь повелел чрез Моисея еврейскому народу: «не бери из дочерей их (ханаанских языческих народов) жен сынам своим и дочерей своих не давай в замужество за сыновей их, дабы дочери их, благодействуя вслед богов своих, не ввели и сынов твоих в блуждение в след богов своих» (Исх. 34,16). И в другом месте (Второз. 7, 3. 4) повторяется тоже запрещение. В том же дух делает свое завещание и умирающий Иисус Навин (23,12). Св. Синод, имея в виду эти места Св. Писания, объясняет, что здесь «не просто (смешанный) брак запрещается, аки бы ам собою был он беззаконный, но токмо для некоего бедства, такому браку следовать могущего: наипаче же, дабы верное лицо не совратилося к зловерию неверного или иноверного своего подружия». В силу такого понимания – говорят противники смешанных браков – не следовало бы осуждать православных за выступление в брак не только с иноверными, т.е., с христианами других вероисповеданий, но с неверными, т.е., с нехристианами – евреями, магометанами и язычниками, т.е., с нехристианами – евреями, магометанами и язычниками; однако же последнего брака Регламент безусловно не допускает.

б) Возможность допущения смешанных браков Регламент хочет оправдать ссылкою на слова Апостола Павла: «если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее; и жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его» (1 Кор. 7, 12. 13). – Эти слова Апостола имели в виду и отцы 6-го вселенского собора (их было 227), и однако же они пришли к необходимости – категорически воспретить смешанные браки: по их изъяснению, приведенные слова Апостола Павла должны быть отнесены только к супругам, которые, «будучи еще в неверии и не быв причтены к стаду православных, сочеталися между собою законным браком». Таким образом, наставление Апостола и в настоящее время может быть применяемо только к супружествам иноверных и неверных,

когда один из супругов принимает православную веру, а другой остается в неверии или иноверии, но оно не представляет никакого основания для того, чтобы теперешние смешанные браки христиан православных с неправославными считать, по Апостолу, дозволенными.

в) В оправдание допустимости смешанных браков Регламент ссылается на 34 «образа (примера) правоверных лиц с неверными или иноверными сочетавшихся» – «от Священного Писания и от историй Христианских, Греческих и Славено-христианских». Но для противников смешанных браков эти примеры нисколько неубедительны[4]. О чем напр., могут говорить 9 примеров, приводимых в Регламенте из жизни некоторых лиц ветхозаветных? В Ветхом Завете было терпимо многоженство… Но может ли это быть «образцом» для членов Церкви Христовой?.. На основании 3-ей главы 3-ей книги Царств Регламент указывает на то, что и премудрый Соломон был женат на дочери Фараона, царя египетского; но таже именно 3-я книга Царств, в своей 11-ой главе (ст. 3-9), ясно убеждает читателя, что именно иноверные жены Соломона затемнили его славу, развратили его сердце, склонили его к иным богам, так что сердце его не было вполне предано Господу Богу своему, что Соломон стал служить Астарте и мерзости Аммонитской и т.д., т.е. убеждает именно во вреде смешанных браков. Неубедительными оказываются для многих и «образцы» из жизни византийских императоров и славяно-русских князей. Византийские императоры и русские князья не признавали себя непогрешимыми и нередко грубо нарушали церковные каноны. Та, напр., Лев Философ, император византийский, в своей 90 новелле безусловно воспретил вступление в четвертый брак, объявив таковой брак даже гражданским преступлением, – и сам же первый нарушил свой закон, вступив в четвертый брак. Православные не могут следовать таким «образцам», а как показывает судьба патриарха византийского Николая, запретившего беззаконнику – царю вход в церковь, и « канонические ответы» нашего митрополита Иоанна II, Церковь не переставала обличать противуканоническое поведение византийских императоров и словено-русских князей…

Для «оберегательства» лиц, вступивших в смешанный брак, от совращения в иноверие, Синод установил следующее правило: «Прежде сочетания брака у тех (Шведских) пленников, который с согласия изберет себе из русских в жену, или свободных иноверцев, которые Царскому Величеству записалися на вечную службу, взять сказку за рукою под штрафом жестокого (?!) истязания, что ему, по сочетании брака, жену свою во всю свою жизнь ни прельщением, ни угрозами, и никакими виды в веру своего исповедания не приводит и за содержание веры ее православные поношения и укоризны не чинить. И от которых будут родиться дети мужска и женска полу, и их крестить в православную веру Российского исповедания. И как в младенчестве, так и в совершенном возрасте обучать их всякому православному Церкве восточные обычаю. А в свою веру, также как и жен своих, не склонять, но попускать содержать им ту православную веру даже до кончины своея. И когда кто такою сказкою обяжется, то позволить жениться. А ежели кто такой сказки дать не похощет, и таким жениться на русских девках и вдовах не попускать. А ежели кто, дав такую сказку женится, а потом со временем жену свою или детей склонить в свою веру, а о том известится: и о таковых чинить, как Церковные правила и законы градские повелевают. Православнии же священницы, кто из оных в приходе своем имеют иноверцев, с русскими женами сочетавшихся, должны суть, под лишением сана своего (!), со всяким прилежанием и бодростью наблюдать, не деется ли сему оберегательству противное; и ходят ли жены русские, иноверным мужьям сопряженные, в церковь; исповедуются ли духовником своим, и причащаются ли тайнам Евхаристии святые у их же восточного исповедания пресвитеров. И тожде смотреть и за детьми их, как женского, так и мужского пола от седмолетнего возраста». Синод уверяет, что этим правилом он установил также «оберегательство, при котором отнюдь нельзя опасаться совращения лица верного». Но столетний опыт достаточно мог убедить

[4] На эти примеры двусмысленно указывает даже Далматинский Никодим.

исследователя, что это «оберегательство» редко достигало своей цели и лишь увеличивало число ненужных бумаг консисторского архива (Уст. Дух. Консист. Ст. 29). Интересно отметить, что в «рассуждении Св. Винода» о смешанных браках речь идет только о православных «девках» и вдовах, вступающих в замужество с иноверцами, но нигде ни слова не говорится о вступлении православных мужчин с иноверными женщинами, т.е., как бы рекомендуется поступать как-раз вопреки 31 правилу Лаодикийского собора.

И так, после сказанного ясно, что и в Духовном Регламенте, в котором нет прямого дозволения совершать смешанные браки, нельзя найти основания для того, чтобы осуждать епископа, запрещающего такие браки в своей епархии.

II. Но быть может справедливо утверждение, что запрещение смешанных браков причиняет русскому народу вред в политическом отношении? Защитники этого мнения, как мы видели («Борьба с ложью» № 7), придают большое значение урокам истории и фактам действительной жизни. Поэтому и мы, вместо простого ответа на поставленный вопрос, предлагаем вниманию читателей чрезвычайно интересный документ.

9-го октября 1885 года бывший обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев писал Харьковскому Архиепископу Амвросию (Ключареву): «вот, посылаю Вам редкость». Эту записку читал Государь (незабвенный Император Александр III), и по ней-то состоялась отмена Выс. Пов. 1865 г. о смешанных браках[5]. Напечатана она секретно (в 40 экземплярах), и лишь для практических целей, non ad narrandum, sed ad probandum – в случае нужды. Оглашение ее – ради живых еще деятелей – было бы очень неудобно, и потому прошу Вас держать ее лишь для себя, в секрете. Икскуль (тогдашний харьковский губернатор, протестант фанатик) не должен и знать об ее существовании».

Присланная при этом письме записка чрезвычайно интересна. Она представляет множество доказательств, какой вред причинило русскому народу дозволение смешанных браков в Остзейском крае, как культурные немцы-протестанты понимают «свободу совести», какую постыдную роль играли русские деятели интеллигенты, увлеченные западно-европейскими ложными теориями, в коком тяжелом положении находились русские православные святители, какой гнет испытывало православное духовенство и в какие невозможные условия было поставлено православное население – русское, латышское и эстонское. В настоящее время записка эта – редкость не только по своему содержанию, но – и редкость библиографическая: при всем своем старании я не мог найти ее даже в архиве Св. Синода и обер-прокурорской канцелярии. Межлу тем она содержит много ценного материала и для разрешения вопроса о смешанных браках. В свое время записка эта вместе с препроводительным письмом К.П. Победоносцева была отдана мне в собственность. Со времени ее составления прошло 27 лет. Общественные деятели, самолюбие которых щадил К.П. Победоносцев, не существуют уже более на белом свете, – и потому я считаю себя в праве означенную записку предложить вниманию интересующихся.

[5] Есть основания думать, что автором этой записки был сам К.П. Победоносцев. По крайней мере, в письме к Архиепископу Амвросию от 2-го июня 1885 года бывший Киевский митрополит Платон писал: «К-н П-ч работает над докладом Государю об Остзейском крае. Помоги ему, Господи, в том, что прозевал его предшественник. Тяжелое было для меня время»…

Смешанные браки лютеран с православными в Прибалтийских губерниях

Вопрос о крещении и воспитании детей от смешанных браков в прибалтийских губерниях занимает видное место в системе прошлого царствования[6]. Он успел связать себя с самими основами тогдашних реформ и привязать к себе основные отношения государства к этим губерниям. Ему суждено было доказать, каким образом и при самых возвышенных намерениях один неосторожный шаг вызывает другой, третий и т.д., и незаметно, логически влечет государство к таким осложнениям, которые ставят его в противоречие с самим собою, спутывают и колеблют самые дорогие для него основы. На этом вопросе закрепилось то положение дел в прибалтийском крае, которое ныне нудит правительство к скорейшему разрешению их.

Присоединение балтийских провинций к России совершилось в такое время, когда в ней во всей силе оставался, относительно смешанных браков православных с неправославными, общий всей восточной церкви закон, по которому эти браки вовсе не допускались (72 прав. 6-го вселен. собора, 14 прав. собора, 14 прав. вселен. соб. и др.) При первоначальном, крайне незначительном числе русских в этом крае и при неизбежном взаимном отчуждении православных и лютеран, в таких браках вовсе не сказывалось нужды. Когда же явилась необходимость сближения между ними, эти браки заключались или на основании вселенских канонов, т.е. лицо лютеранского исповедания предварительно принимало православие, или на основании постановления Петра I и Св. Синода в 1721 г., сообразно 22[7] прав. 4 вселен. Собора и закону императора Юстиниана I (Cod. 1. 5. 18, тоже 115 новелла его), по которым дети от таких браков должны быть крещены и воспитаны в православной вере. Хотя греческая церковь доселе удерживает во всей строгости 72 прав. 6-го вселен. собора, не допуская смешанных браков, но по нужде и она довольствуется крещением и воспитанием детей в православии, сохраняя его неизменным в роде, как то показывает указ константинопольского синода от 1783 г. относительно смешанных браков в Калуге. Указ 1721 г. несколько раз подтверждаем был относительно всех смешанных браков христианских исповеданий (в 1723, 1746, 1803 и т. д.), но ни разу при этом не последовало никаких заявлений со стороны балтийских провинций в пользу лютеранства. В 1768 году русское правительство заключило договор с Польшей, по которому, между прочим, в смешанных браках католиков с православными сыновья должны следовать исповеданию отца, а дочери исповеданию матери. Этот порядок сохранен в Царстве Польском до 1832 года, т.е. до времени отмены автономии его. После присоединения к России – Финляндии, на правах особого великого княжества, в ней сохранен порядок, по которому во всех смешанных браках дети должны следовать исповеданию отца. Когда русские великие княжны стали выходить в замужество за иностранных принцев, Св. Синод с своей стороны не находил препятствий к крещению и воспитанию детей их от сих браков в исповедании их супругов. Во всех этих случаях Св. Синод не считал себя в праве протирать свои формальные требования за черту иностранных государств, вмешиваться в дела их, и в этом отношении он оставался верен своим канонам и основанному на них постановлению 1721 года. Все эти случаи ни разу не возбуждали ревности в представителях Балтийского края и не было по поводу их никаких попыток в пользу изменения закона о смешанных браках для этого края. Со времени личного освобождения крестьян (в Эстляндии в 1804 г., в Лифляндии в 1819 г.), в крае, особенно на пограничьях его с русскими губерниями, стало увеличиваться количество смешанных браков лютеран с православными. В это время заметны стали симпатии крестьян к России, а вместе с тем появляются и попытки со стороны представителей края к ограничению их. Смешанные браки возбудили тревогу в Лифляндских пасторах, они обратились с жалобами на православных священников, укоряя их в некоторых несообразных с этим делом действиях. Но при этом со стороны пасторов вовсе не

---

[6] Т.е., царствование Императора Александра II.

[7] Должно быть, 14?

последовало какого бы то ни было заявления относительно крещения и воспитания детей от сих браков в православной вере, они ходатайствовали только о том, дабы священники не венчали таких браков без оглашения о них в лютеранской кирхе. Указом от 8 января 1819 г., Св. Синод признал ходатайство пасторов уважительным и установил, чтобы в смешанных браках лютеран с православными в Лифляндии оглашения производимы были в православных церквах, и в кирках. В 1839 г., по ходатайству Курляндского дворянства, этот порядок распространен на Курляндскую и Эстляндскую губернии, в которых дотоле также не требовались оглашения в кирках. Далее, ходатайствуя при начале каждого нового царствования о подтверждении прав и привилегий, дарованных Петром I Лифляндии и Эстляндии, а Екатериною II Курляндии, представители края ни разу не упоминали при этом о несоответствии закона о смешанных браках с этими привилегиями. В период составления свода законов, в особой комиссии по соглашению местных установлений с общими законами Империи шли жаркие споры по каждому отдельному случаю и напрягались усилия, чтобы отстоять то тот, то другой местный старинный закон, обычай и под., но при этом вовсе не появился вопрос о крещении детей от смешанных браков. Наконец, этот вопрос вовсе не имел места при составлении и издании (в 1832 г.) устава евангелическо-лютеранской церкви в России, которому подчинены были тогда же лютеранские консистории в Прибалтийском крае.

Это спокойное отношение лютеранства к вопросу о смешанных браках совершенно естественно. 1. По учению лютеранства, брак не есть таинство церковное, а гражданский акт, – церковь благословляет его как всякое доброе дело, а не как живой символ союза Христа с церковью, таинственно сливающий два существа в плоть едину и проникающий семью одним духовным началом. По учению лютеранской церкви, человек спасает верою, но только личное сознание и разумение веры делает ее живою и действенною для него. Крещение таинственно приобщает к вере, но только в сознательном возрасте, при условии разумения христианских истин, человек крещенный утверждается в вере и приобщается к числу членов церкви (конфирмация). 2. Лютеранство, отрицая преемственность церковной иерархии и таинство священства, не признает авторитета вселенских соборов и обязательности церковных канонов; эти последние ни в каком отношении не могут связывать лютеранской церкви. Общество верующих само постановляет правила, обязательные для всех членов его, но оно не считает этих правил не погрешимыми и не подлежащими изменению на все времена. Непогрешимо только то, что прямо и ясно заповедует священное писание, все остальное может быть изменяемо по нуждам общества и государства. Таким образом и правила относительно браков, как не установленные положительным и буквальным указанием священного писания, для лютеранства не ставят никакой преграды в нуждах общества и государства.

Оба эти свойства лютеранства, со времени оживления философии в Европе, мало по малу стали склонять в пользу его поборников сознания и разума. В период самого сильного философского возбуждения в Германии, лютеранство достигло своего апогея: его девизом считали свободу совести и разума, дружество веры с наукою, ему одному между христианскими исповеданиями усвоили название религии культурной. Но за блестящей наружностью скрывалась печальная действительность. Отвергая церковное предание, каноны, иерархию, стая условием достоинства веры личное разумение, лютеранств потеряло самостоятельность церкви, обратилось в религиозную систему и поставило себя в полную зависимость от интересов общества. Тем самым оно представило из себя широкое и привольное поле для личных и общественных страстей, под основные формулы его весьма удобно могут подшиваться корыстные стремления и грубый произвол. В этом отношении ни одно из христианских исповеданий не представляет такой эластичности и ни одно не способно проникаться в такой степени эгоизмом и фанатизмом.

С обеими этими сторонами лютеранства русскому обществу и правительству пришлось посчитаться.

В тридцатых годах, когда правительство начало посылать молодых людей для довершения образования в Германию, на университетских наших кафедрах и в образованных кружках полились одушевленные речи об Афинах новейшего времени, об абсолютном тождестве, в котором сливаются воедино вера и наука, о всемирном, общечеловеческом духе, нашедшем для себя наиболее прозрачную форму в германской расе и ее последней философии. Казалось, что в Германии найден долго томивший человечество секрет свободы верования и свободы исследования. Сила этого влияния германской науки так была велика, что сами противники системы абсолютного сбивались с самостоятельной позиции и становились на точку противников его в самой Германии. Шеллингизмом опровергали гегелианизм, защищали самобытность веры («Письма о конечных причинах» Голубинского, статьи и проповеди Иннокентия херсон. о природе и др.). Даже наши славянофилы, эти адаманты русского начала в цивилизации далеко не чужды были влияния германской философии, как по-видимому ни чуждались они ее. (Сборник «Беседа»). Люди искреннего христианского благочестия и вместе глубокой преданности просвещению, в которых то и другое сливались в одну чистую струю, были глубокими чтителями германского духа и сами казались лучшими представителями его. (Жуковский напр.). В высших образованных кругах стало даже модным, во имя истинной веры, отрешаться от частных требований и правил церкви, сполна относя их к условным нуждам общества и сполна подчиняя их усмотрению государства, и возноситься на высоту общехристианских верований. Лютеранство казалось с этой точки наиболее близким к «христианизму».

Среди этого увлечения германскою философиею и лютеранизмом, когда Лютерова реформация даже в учебниках истории заняла одно из самых видных мест, простому народу суждено было неожиданно повернуть медаль пред глазами русского общества обратною стороною. Это было первое возбуждение эстонских и латышских масс к православию. Образованное русское общество и правительство приглашалось посмотреть на народный быт в прибалтийском крае, на котором всего ближе и удобнее должны были отразиться благодеяния возвышенных идей. Для того времени в нашем обществе существовали смутные понятия о этих массах и о целом крае. Господство немецкого языка и лютеранизм представляли тут передовой пост Германии. Петр Великий радовался тому, что будет иметь в прибалтийском крае своих «мастеров» всякого дела, теперь гордились тем, что имеют в нем свою германскую философию. Молодые люди, не имевшие возможности довершить свое образование в самой Германии, устремились в Дерптский университет и здесь привыкали к тайнам нового мировоззрения. Обратная сторона медали открывала однако профанацию идей, так льстивших воображению. Она так противоположна была теории абсолютного, что ее без дальших рассуждений признали за подделку, клевету. С рвением, точно службу принося Богу, устремились тогда на подавление народного движения. Православие, как главный предмет этого движения, становилось для поклонников новых идей символом насилия и обмана совести.

Но силою подавленное движение, спустя четыре года, вновь открылось и притом в более широких размерах и в более определенных формах. Оно ясно теперь говорило, что лютеранство только покровительствовало и пособляло обезземеливанию и угнетению крестьян и в то же время пренебрегало потребностям народной совести и религиозного чувства, – что народ, разоренный и лишенный духовного питания, бежит от своих опекунов и просит хлеба телесного и духовного у русского царя, ищет единения с Россией и с русским народом. Вновь и с большей силой стали подавлять это новое движение. «Голос толпы невежественной, грубой, враждебной культуре», твердили приверженцы новых идей. Но уже появились и противные голоса – из скромной дотоле, но самостоятельной, национально-русской среды. Это голос народа, долгими веками связанного с своими господами, свои люди в стране, на которых всего естественнее было бы осуществлять идеи культуры и свободы совести»… Люди самых противоположных воззрений, непосредственно наблюдавшие это народное движение и возбуждение по

поводу его в среде представительных классов, помещиков и пасторов, фанатизм, сходилось в убеждении, что лютеранство выступает в этом деле единственно как орудие германизации эстов и латышей, что оно борется с православием единственно в тех видах, чтобы оградить народ от стремления к России. Этого не скрывали сами представители страны – дворяне, устраняя от себя подозрения в религиозном фанатизме прикрывая свои действия заботами о порядке, об ограждении собственности, о противодействии социалистическим попыткам. Не сокрушение о религиозном заблуждении народа в этом движении, не старание пособить ему в его темноте, но чувство оскорбленной гордости дышит во всех действиях и заявлениях пасторов по поводу стремления народа к православию. «На нас смотрит вся лютеранская Европа», говорили пасторы в коллективном прошении на Высочайшее имя, в январе 1846 г., после синодального собрания в Риге. В этой же просьбе в первый раз выражено было недовольство законом о смешанных браках, – на том основании, что он вносит в среду лютеранского населения «посторонние элементы». Дворянство и пасторы тесно соединялись в своих чувствах против православия, как силы наиболее препятствующей германизации края и независимости его от русского государственного влияния.

Император Николай Павлович, мудрый политик и глубокий христианин, еще тотчас после подавления первого движения в народе, обратил внимание на крайнюю неудовлетворительность духовного питания для народа со стороны лютеранского духовенства и выразил искреннее желание поднять образование и нравственность в этом духовенстве, чтобы усилить чисто религиозное влияние его на народ. Он повелел обсудить и представить Ему проект учреждения духовной лютеранской академии для высшего богословского образования и специально-религиозного воспитания будущих пасторов. Но эта высокая забота Императора неожиданно встретила решительное противодействие со стороны самого лютеранского духовенства. Оставить лютеранство в том же положении служебного орудия гражданским стремлениям дворянства, щадить даже самые невежественные религиозные секты за их верность этим притязаниям и за охрану невежественного народа от симпатии к России – вот решительный ответ остзейского представительства, гражданского и духовного, на эти заботы. Тогда Император Николай Павлович начертал (на всеподданнейшем докладе по этому делу министра народного просвещения гр. Уварова от 21 апр. 1843 г.) знаменитую свою резолюцию: «Все дела иностранных исповеданий нам мудрено вмешиваться, так и в сем случае мы могли только указать на то, что считаем полезным для блага евангелического исповедания. Но когда из непонятных видов сами они сему противодействуют, то остается предоставить воле Божией дальнейший ход этого дела. Кто знает, может быть неисповедимый промысл направляет невидимой рукой сию церковь к разрушению и тогда никакая сила не остановит стремления народа к православию. Должно только все так подготовить к тому, чтобы церковь наша была готова принять новых чад. Для того уже все духовные книги и служебники переводятся на местные языки. 22 апр. 1843 г.»

Второе движение эстов и латышей к православию застало Императора непоколебимым в этом его решении. Он остался верен ему до конца. Он ясно видел, что скрывается под воплями дворянства и пасторов о стеснениях для лютеранской церкви в прибалтийском крае и, покровительствуя православному движению, в то же время принимал решительные меры к изменению гражданских условий края, противных государственным интересам. Твердая рука Его умела держать в должных отношениях к этому делу всех исполнителей Его воли и устраняла все просьбы дворянства и пасторов о льготах и указания на права и привеллегии. «С ослушниками моей воли поступать как с бунтовщиками», приказывал Он тем, кто поставлен был от него блюсти это дело.

К сожалению, грозные тучи, собиравшиеся в то время над Европой и угрожавшие России, заставили Императора отвлечь свое внимание от внутренних дел России и посвятить его исключительно внешним делам. Роковая борьба разразилась наконец долгою тяжелою войною, конца которой уже не довелось видеть Императору. Всем этим

обстоятельством не могли не воспользоваться поборники интересов прибалтийского дворянства и лютеранских пасторов. Зная непреклонную волю Государя и не дерзая открыто противиться ей, они втайне подготовляли возможность перемене в направлении дел. Уже и первый, ревностный исполнитель этой воли, рижский генерал-губернатор Головин часто спотыкался среди окружавших его интриг. Состоявший все время при нем П.А. Валуев, воспитанный в новый идеях культуры и религии, ревниво следил за исполнением каждой меры в пользу православия, тщательно охраняя в нем интересы, по его мнению, цивилизации и свободы совести. Не раз рижский православный епископ выражал свое недоумение и свою скорбь (в переписке с Обер-Прокурором св. Синода), по поводу мнений и действий его. С назначением на должность рижского генерал-губернатора н. Суворова, внутренняя работа в среде поборников местных интересов пошла деятельнее. Преданный новым идеям, но впечатлительный и порывистый, Суворов легко и скоро увлекся окружившею его интригою. Едва прибыв в край, еще не успевши оглядеться вокруг себя, он уже признал в дуще своей все дело православия эстов и латышей обманом, а все дело дворянства и духовенства естественным плодом насилия религиозной совести. Это именно убеждение он выражал в тогдашней своей интимной переписке с Обер-Прокурором св. Синода, объясняя под углом его все тогдашнее положение православных. Он не знал меры в обвинениях православного епископа Филарета, главного радетеля православия эстов и латышей, объяснял все его действия иезуитизмом и маккиавелизмом и добился перемещения его из Риги. Это было первое, хотя и скрытное тогда тожество поборников цивилизации и остзейских притязаний, обеспечивавшие надежды их.

Доселе возбужденные, вследствие движения народа к православию, притязания дворянства и духовенства быстро меняли под собою почву, пробуя различные способы твердо устоять на своей позиции. Прежде всего они решились опереться на права и привилегии, дарованные краю Петром I. В этом именно смысле представлена была лифлянским дворянством всеподданейшая просьба от 3 окт. 1845 г. Но аргумент оказался слабым, дворянству указано было на условие, поставленное для этих привиллегий самим Петром I: «елико оныя к нынешнему правительству и времени приличаются». Надежда на этот аргумент оказалась предвиденною Императором Николаем, первый же параграф Высочайше утвержденной 26 апр. 1845 г. инструкции рижскому генерал-губернатору гасил: «Наблюдая за повсеместным и точным исполнением государственный узаконений, с строгим наблюдением ненарушимости особенно тамошнему дворянству дарованных прав, поскольку они сообразны с общими законами государства, как то именно и неоднократно подтверждаем было в Бозе пошившими Государями Всероссийскими, не допускать засим присвоения прав или преимуществ мнимых и с общими государственными установлениями несогласных, под каким бы предлогом это не делалось». – При неудаче этого основания, обратились к наиболее благовидному в интересах самого православия, к сознанию религиозных истин, и испросили шестимесячный срок для желающих присоединиться к православной церкви. Но император уважил ходатайства об этой мере вовсе не в видах уступки остзейским притязаниям, но из опасения невозможности благоустроить разом новых чад православия, число которых превышало все ожидания Его, и мера эта обманула истинных виновников ее, потому что вслед за объявлением ее, новые массы воздержались, но частные обращения в православие не прекращались. Возникли затем надежды на повинности в пользу пасторов, на местные установления относительно приобретения мест под постройку православных церквей и проч. Но все эти надежды одна за другою разбивались о твердую волю Императора. Личный характер кн. Суворова, человека бесспорно религиозного, но порывающегося тогдашним новым учением на высоту религиозных идей и слабого в правилах церкви, сердечно болевшего от всего, что казалось ему профанацией живой веры и насилием над религиозною совестью, указал, наконец, поборникам остзейских интересов ту почву для своих домогательств, на которой они, по крайней мере,

в будущем, могли получить твердую поддержку. «Обман народа для увлечения его в православие», «насилие совести в удержании его в православии» – вот более и более, хотя и втайне, распространяемые тогда толки и внушения. Прямым выводом из этих положений было разрешение народу обратного перехода в лютеранство. Пока жив был Император Николай Павлович, эти толки и внушения не достигали своих намерений; никто не осмеливался перед Ним выступить с ходатайством о разрешении перехода из православия в лютеранство. Тем временем, втайне прилагались старания, чтобы поднять и развить все лютеранские учреждения в крае, напротив изубожить все православие: быстро развивались лютеранские школы, умножались религиозные издания для народа благоустроились кирхи, а вместе с тем медленно подвигалась постройка церквей и православных школ, значительное большинство первых помещалось в сараях, амбарах и под., перевод необходимейших богослужебных книг остался без всякого успеха, цензура православных изданий окончательно утверждена, по старанию самого кн. Суворова, за лютеранским цензурным комитетом.

С новым царствованием наступило время широкого простора новый идей как в обществе, так и в правительственных сферах. Положение в Прибалтийском крае сразу изменилось. Сто до сего времени вырастало под спудом, то теперь разом выступило наружу. В том же 1855 году, должность лифляндского генерал-супер-интенданта занял пастор Вальтер, один из самых дерзких противников православия и русского государственного влияния в крае, высланный из него в 1847 году. Еще в должности приходского пастора он, и с церковной кафедры, и в официальных объяснениях, отвергал православие в православной церкви, усвояя его исключительно лютеранству, что «из всех присоединившихся к греческо-русской вере не знает ни одного, который при переходе имел бы в виду что либо иное, кроме заемных выгод». Теперь он решительно поставил вопрос об обмане народа и насилии над совестью его и настаивал на безусловном дозволении ему вернуться в лютеранство. На дворянских лантагах, в заседаниях лютеранских консисторий, с церковных кафедр, в официальной переписке, всюду твердилось о томлении народа, обманом вовлеченного в православие. Вместе с тем, теперь открыто пошли старания, чтобы довести народ до действительного томления. Разом и усиленно выступили все те мотивы, которые в прежнее царствование пробовались поодиночке: прекращена постройка церквей и школ, не появлялось вновь ни одной богослужебной книги и ни одного религиозного издания в православном духе, последовали неумолимые требования повинностей в пользу пасторов и вопрос о восстановлении их, по ходатайству кн. Суворова, получил ход в законодательном порядке, православных крестьян повсюду утесняли в хозяйстве, преследовали укорами и насмешками, наконец, даже исходатайствовано воспрещение принимать детей народа в рижскую духовную семинарию и допускать их к священному сану. Рядом с этим истощением духовной пищи, убожеством духовных приютов, преследованиями и унижением, происходили внушения, что вся эта тягота есть кара Божия за отступничество от веры своих предков и что умилостивить Бога можно только возвращением в лютеранство. В следующем году царствования (1857) уже появились первые просьбы от крестьян о дозволении вернуться в лютеранство. Времена изменились: эти просьбы получили ход, рассмотрены в подлежащих правительственных учреждениях и многие из них удовлетворены. Эта первая победа поборников остзейских притязаний принесла самые печальные плоды для православия и русской государственности в крае. Не говоря уже о том, как широко воспользовались ею возбужденные в крае страсти, она тем преимущественно тяжела была, что успела внести смущение в правительственные сферы относительно православия в целом крае, посеять сомнения в чистоте дела, признать обман и насилие совести. Появились новые просьбы, последовали новые разрешения. Но по принятому правительством порядку разрешения (через Св. Синод), руководители дела убедились, что и эта мера не приведет к желанным результатам, потому что количество разрешений и самых даже просьбе ничтожно было сравнительно с числом православных.

Одна за другою пробы на этом пути только усиливали разочарование. Мера оказалась слишком смелою, которой сразу не могло бы удовлетворить самое либеральное правительство.

Среди толков и споров по этому делу, более и более выступала мысль о необходимости пожертвовать православию настоящим поколением православных и сосредоточить все надежды на будущем поколении, обратив внимание на привлечение детей в лютеранские школы, к конфирмациям и на смешанные браки. Голоса делились: более горячие головы кричали о безусловном разрешении перехода в лютеранство, более умеренные довольствовались будущим поколением. В это именно время (в 1857 году) появились в печати X и XI т.т. св. зак., заключавшие в себе постановления об иностранных исповеданиях о браках. В всей силе подтверждались в них строгие законы о правах господствующей церкви, о смешанных браках с православными, о наказаниях за совращения из православия, подговоры и принуждения к нему. Это издание не только связывало остзейцев, смело уже нарушивших вероисповедные законы, несогласные с их воззрениями, не только убивало надежды их на дальнейший успех относительно православных, эстов и латышей, но и угрожало им, при настоящем возбуждении полным фиаско в глазах самого народа, уже значительно затуманенных прежними внушениями и уверениями. Теперь больше чем когда либо поднялись вопли, и в крае, и в заграничной печати, и в петербургских сферах, о преследованиях совести, угрожающих волнениями в крае и потрясением церковного и гражданского порядка, о нарушении привилегий, дарованных русскими императорами и т.п. Вспомним, что подобные же вопли стали подниматься тогда же и в Царстве Польском по поводу знаменитого: «Point de reveries», лично сказанного Государем Императором польским представителям в Варшаве летом того же года. Там точно таким же образом движение прикрылось именем религии и совести. Для кн. Суворова этих обстоятельств достаточно было, чтобы выступить ходатаем пред престолом во имя религии и совести. Во всеподданнейшем своем отчете за 1857 год он посвятил этому предмету особый отдел.

Он изобразил мрачными красками присоединение эстов и латышей к православию в 1845 и 1846 г. и настоящее положение их, находил запутанность всех церковных отношений в крае, произведенную этим присоединением, указывал на противоречие X и XI т. св. Зак. С дарованными краю привиллегиями, в особенности же закона о смешанных браках и ходатайствовал о пересмотре всех законов, касающихся лютеранской церкви в прибалтийском крае и ее отношений к православной церкви. Государю Императору благоугодно было передать эту часть отчета кн. Суворова на рассмотрение комитета министров. Комитет министров не нашел однако в доводах генерал губернатора основания для пересмотра означенных законов, и потому ходатайство его оставлено без удовлетворения.

Но после такого решительного шага, остзейские ревнители уже не могли остановиться. Близилось время самого крупного преобразования в России, именно освобождения крестьян. Умы воспламенены были, как никогда более. Выступали самые смелые притязания и ожидания во имя свободы. «Свобода совести», «свобода духа», «свобода мнения и сомнения» казались образованной толпе самыми возвышенными и самыми законными требованиями. В царстве польском уже резко обнаружились симптомы настоящей смуты. Польская и остзейская интрига подали друг другу руки. В феврале 1861 г., польские епископы составили в Варшаве собор, на котором подписали мемориал об угнетениях совести, претерпеваемых католиками в царстве польском. В резких выражениях они ходатайствовали об изменении всех законоположении относительно католической церкви, в особенности закона о смешанных браках. Одновременно с этим собором на собраниях лантагов остзейских постановлены были заявления, а от консистории последовали формальные представления об угнетениях религиозной совести в крае. Кн. Суворов, продолжавший верить искренности этих остзейских забот, тщательно оберегая прославленную легальность представителей края,

снова решился предстательствовать о них пред престолом. От 23 марта того же 1861 года он вошел к Государю Императору с особым всеподданнейшим докладом. Указав на прежний свой отчет по управлению вверенным ему краем, он представлял, что «комитет министров не обнял всего значения предмета. Приобретенная русским правительством, веротерпимостью его, слава – продолжал он – может быть поддержана лишь принятием со стороны этого правительства инициативы в деле устранения всякого повода к справедливым жалобам на стеснение свободы совести между жителями прибалтийских губерний. Напротив того, движения законодательства насильственно возлагает, – вероятно без намерения – обязанность этой инициативы на обществе местного дворянства. Проект продолжения свода тесных постановлений сообщен различным сословиям жителей прибалтийского края на него замечания. В этот проект введены из общего св. зак. Империи такие статьи, которые прямо противоречат местным церковным учреждениям. IX т. св. зак., долженствующий заключать в себе все постановления об иностранных в России исповеданиях, нигде не упоминает о положенных Императором Петром Великим в прибалтийских губерниях началах веротерпимости в особенности же противоречат этим началам некоторые постановления уложения о наказаниях. Подобное направление законодательства должно поставить дворянство и города прибалтийских губерний в скором времени в необходимость всеподданнейше ходатайствовать перед Вашим Величеством об ограждении от религиозных стеснений». Не рассчитывая теперь ни на комитет министров, ни на правительственных лиц, кн. Суворов просил Государя учредить особую комиссию, для обсуждения этого вопроса, из представителей остзейских сословий, дабы «внушить тем сословиям, которым Император Петр Великий дал всемилостивейшие в религиозном отношении обещания, полное доверие к трудам означенной комиссии». В заключении доклада, кн. Суворов представлял: «В сущности, предлежащий вопрос заключается в допущении лишь той степени веротерпимости, которая обусловливается в прочих европейских государствах чувством справедливости всякого просвещенного народа. Одновременно с успехами этой веротерпимости развивается и истинное религиозное чувство, могущее преуспевать лишь под условием свободного, основанного на свободе совести самосознания. Противоположное этому прогрессивному направлению движение столь несогласно с общим духом правления Вашего Величества, что я не исполнил бы верноподданнической своей обязанности, если бы не обратил Высочайшее Вашего Величества внимания на то высокое значение, которое Петр Великий придал уже русскому правительству в деле упрочения в прибалтийском крае религиозной независимости».

Государь Император повелел учредить комиссию под председательством министра внутр. Дел (Ланской) из предводителей дворянства, эстляндского – графа Кайзерлинга и лифляндского – барона Эттингена и директора департамента иностранных исповеданий гр. Сиверса (делопроизводитель Павел Ант. Шульц). Комиссия открыла свои заседания 12 апр. т.г. Первое заседание ограничилось поручением предводителям дворянства представить свои соображения о том, «какие именно из статей общего свода законов империи они признают несогласными с началами свободного вероисповедания и с дарованными тому краю основными по сему предмету постановлениями, и в чем именно статьи эти отступают от точного смысла означенных постановлений, дабы сии соображения могли служить положительным основанием к дальнейшим суждениям по возбужденному кн. Суворовым вопросу».

Этот, так широ раскинутый и так, по-видимому, успешно поведенный план вдруг встретил решительное препятствие и притом с такой стороны, с которой всего менее можно было ожидать его. Этим решительным и неодолимым противником общего пересмотра законов о вероисповедании в сравнении их с дарованными прибалтийскому краю привеллегиями явился тот самый П.А. Валуев, который так еще недавно состоял при князе Суворове в Риге и вполне разделял его взгляд на все положение вероисповедных дел в крае. Ныне в качестве министра внутр. Дел. Преемника Ланского, он явился

решительным противником: 1) общественной инициативы в законодательстве и 2) такой постановки вопроса, которая ограничивала самодержавную власть Монарха (указание на привилегии). Поэтому он не мирился ни с самой комиссией из сословных представителей, ни с планом занятия ее, и, сознав всего один раз членов этой комиссии, он, по словам его (в письме к министру юстиции от 29 апр. 1864 г.), «в силу неудобства представляет какую либо инициативу в деле пересмотра и возможного изменения закона…представителям местных сословий», «счел долгом уклониться от возобновления подобных совещаний». В сущности минист внутр. Дел вовсе не ограничивал стремлений представителей прибалтийских сословий, напротив он горячо сочувствовал им, но расходился с ними и с кн. Суворовым только в способе достижения этих стремлений, относя все это дело, не только в его инициативе (кн. Суворов), но и в целом производстве, к власти правительственной и притом под условием постепенности. По его мнению, на первый раз следует ограничиться законом о смешанных браках, составлявшем в глазах христианских иноверцев наибольшее препятствие для свободы совести. На этом пункте министр, очевидно, сходился с умеренной партией в прибалтийском крае, которая, как мы уже видели, не находя возможным достигнуть разрешения общего перехода из православия в лютеранство, обращала все свои надежды на будущее поколение. Министр однако вовсе не высказывался теперь в дуже согласия с местной партией, хотя бы и умеренной, и только впоследствии, когда пришлось считаться с результатами самой реформы, обнаруживалось, что он вполне разделял эти надежды, находя в них панацею от всех болезней вероисповедного вопроса. Но не один только остзейский край занимал при этом министра внутр. дел, царство польское, точнее католичество, не менее привлекало его симпатии своими религиозными треволнениями. Не порывисто, но спокойно и твердо он выдержал себя на «высоте» общехристианских понятий, на которой все эти исповедания сливаются (будто бы) в одной идее свободы совести и в одном духе христианского благочестия (последнее сочинение его: «Благочестивые размышления на каждый день»), вовсе не подозревая в этой «высоте» только благочестивой мечты, льстящей самолюбию. Как бы то ни было, но ходатайство польских епископов не оставлено без внимания и приобщено к делу остзейских представителей. Еще в августе того же 1861 года состоялось, по мысли П.А. Валуева, Высочайшее повеление, независимо от хода дела в комиссии по всеподданнейшему докладу кн. Суворова, рассмотреть в министерстве внутренних дел вопрос о смешанных браках и представить его на рассмотрение Совета министров вместе с некоторыми другими вопросами о действовавших относительно иностранных исповеданий законоположениях.

Предварительно рассмотрения этого дела в Совете министров, П.А. Валуев представил Государю Императору доклад о результатах рассмотрения его в министерстве внутр. дел. Доклад признавал необходимым дать католикам и лютеранам в России большую, сравнительно с действующими законами, самостоятельность и независимость, в особенности же изменить закон о смешанных браках, предоставив самим родителям выбор исповедания для детей их. Он находит, что этот закон «стесняет свободу совести родителей, обязывая их против воли своей воспитывать детей в чуждой им вере». Далее он признает этот закон вредным в религиозном отношении: «Если бы избрание исповедания детей было предоставлено усмотрению родителей, то они, без сомнения были бы воспитываемы в вере того из супругов, который сильнее привязан к своему исповеданию и тем самым более способен к утверждению в детях своих религиозных убеждений. При настоящем порядке, часто может случиться противное». Наконец, закон о смешанных браках вреден в государственном отношении, потому что он «препятствует в некоторых местностях сближению разноплеменных русских подданных, которые не вступают в брак между собою единственно по нежеланию одной стороны подчиниться закону о воспитании всех детей своих в православии, когда другая принадлежит к сему исповеданию». Доклад находит, что с церковной стороны не должно быть препятствий к изменению этого закона, потому, что он не есть религиозный догмат. Он ссылается на

закон 1721 г., на договор с Польшей в 1768 г., на финляндский закон, как на факты существенных отступлений от первоначального церковного установления относительно смешанных браков, и отсюда выводит, что и настоящий закон может быть измене без нарушения церковных основ. Для соблюдения достоинства православной церкви, доклад полагает достаточным «не допускать брак православных с иноверцами в известных степенях родства, в которых брак дозволяется другими исповеданиями», и «требовать чтобы браки православных с иноверцами совершаемы были по православному обряду и с соблюдением условий, предписанных нашими церковными законами». От сих коренных правил церковь наша не допускала и не может допускать отступлений». Он указывает три способа изменения действующего закона: 1) финляндский, по которому дети следуют вероисповеданию отца; 2) принятый для Польши в 1768 г., именно сыновья следуют вероисповеданию отца, а дочери вероисповеданию матери; 3) возможный способ – предоставить самим родителям избрать вероисповедание того или другого из них. Доклад предпочитает последний способ, как наиболее, по его мнению, обеспечивающий успех религиозного воспитания детей. Обязательство крещения детей в господствующую веру должно быть возлагаемо на родителей, по мнению доклада, только в том случае, когда последние, по равнодушию или по другим причинам, не поставят между собою условия относительно вероисповедания детей.

Вся эта аргументация сполна проникнута недугом тогдашних высших канцелярий, недугом мнимо-возвышенных идей и всего менее соответствовала действительности.

1. Тогдашнее польско-лютеранское возбуждение во имя, будто бы, религиозной совести всего менее имело в виду сближение с русским народом и единение с Россией, напротив оно предпринято во имя полного отчуждения от России и принижения всего русского пред своими национальными и желанными гражданскими особенностями. Религиозные идеи служили только ширмами для страстей, с которыми государство не может иметь единения. Опыт того времени достаточно убеждал всякого, кто доступен был беспристрастному убеждению, что все церковные «жалобные» богослужения в царстве польском имели предметом восстановление Польши по Днепр и что всеми уличными церковными процессиями распоряжались агенты «народового жонда», а всеми воплями о притеснениях совести в Прибалтийском крае – стремления к безусловному господству, материальному и духовному, немецкого, представительного населения над эстами и латышами, а также над русскими поселенцами края. И там и здесь свобода совести испрашивалась единственно для выгод собственной религии, насколько она служила национальным страстям, и для подавления совести последователей других исповеданий, преимущественно православной, напоминавшей о могуществе и силе России. Среди волнений и даже при простом напряжении подобных страстей немыслима никакая свобода совести.

2. Если государство признает необходимым воспитание детей в духе религии, то тем самым оно возлагает на себя долг и обязанность определить то религиозное направление, которое наиболее соответствует его благосостоянию, и оказывает особое покровительство этому направлению. Без этого условия, государство впало бы в противоречие с самим собою и открыло бы арену для безвыходной путаницы религиозных дел, потому что религия вообще существует только в теории, а не в практике человеческих обществ. Рассчитывать в этом случае на личное усмотрение родителей, на того из них, кто «сильнее привязан к своему исповеданию», значило бы только закреплять путаницу религиозных дел, покровительствуя в этом деле личным страстям, которые в подобном случае спешат прикрываться благовиднейшею формою – силою религиозного убеждения. Сделавши такой шаг, государство вынуждается или испытывать противоречие с самим собою, или, поступая логически, отказаться от особого покровительства одному исповеданию. Не этого ли последнего пути добивались для русского государства тогдашние либеральные веяния? Ослабить и разбить исторический, девятисотлетний союз русского государства с православною церковью, – союз, вскормивший его, укрепивший, внесший из всех

тяжелых бедствий, создавший из него могущественную державу, – союз, о который разбивались все попытки пошатнуть этот колосс, пленить его в послушание чуждым ему системам и учениям; не этого ли желали тогдашние мечтания? Да, тогдашняя атмосфера сильно заражена была этими миазами, и весь поднятый тогда вопрос о свободе совести, вынужденный для начала дела ограничиться вопросом о смешанных браках, довольно прозрачно обнаруживал в себе присутствие этих мечтаний. Пробить брешь в канонах православной церкви, поколебать значение их в глазах государства подтасовкою фактов мнимой изменчивости их в руках самой этой церкви, для этого вопрос о смешанных браках, казалось, представлял достаточные удобства. И способ, принятый для Польши в 1768 г., и финляндский закон – совершенно не то в отношении к этому делу, что приносит этот, вновь придуманный, способ – невмешательства государства в выборе исповедания для детей…

3. Таким же противоречием самому себе страдает и этот, предложенный министром, способ устранения насилия совести. Допустим, что свободный выбор родителями исповедания для будущих своих детей сделан ими по совести. Но почему же в таком случае принуждать их венчаться в православной церкви, а не предоставить избрать для этого обряд соответственного их выбору исповедания? Во что таким образом обращается эта религиозная совесть? Но далее: в какое положение ставится православный священник, обязанный испрашивать благословение Божие на воспитание детей в чуждой ему вере, которую он не признает истинною? Не есть ли это требование – самое грубое насилие над религиозною совестью? И это насилие тем более грубо и бессмысленно, что в то же время церковь, в исповедание которой имеют быть крещены дети, освобождается от обязательства венчать такие браки. Не говорим уже о том, что таинство брака обращается в простую церемонию, облекающую гражданский только акт, – что молитвы о воспитании детей в православной вере становятся пустым звуком. Поступая логически, проектированный министром закон должен бы предоставить самим родителям выбор обряда венчания. Но за этим последовали бы другие логические необходимости, которые приводят только к полному отделению государства от церкви. При законе об обязательном воспитании детей от смешанных браков в православной вере: а) не насилуется совесть супругов, потому что выбор жениха или невесты производится свободно и в этой именно свободе и добросовестности лежит залог отношения супругов как друг к другу, так и к будущим их детям; б) не насилуется и церковь иностранного исповедания, потому что она не принуждается венчать такие браки. Лютеранство всего менее может видеть в таком законе насилие над своею церковью, потому что оно не признает брака таинством, а действительное приобщение детей к церкви допускается только в сознательном возрасте.

Государь Император повелел рассмотреть эту записку министра внутренних дел в Комитете Министров «Из совершенно секретного» отзыва П.А. Валуева на имя Министра Юстиции графа Панина, от 29-го апреля 1864 года № 81, узнаем, что эта записка возвращена ему Его Величеством «с собственноручными высочайшими отметками». К сожалению, мы не могли пользоваться подлинником этой записки, а потому и упомянутыми Высочайшими отметками, проливающими свет на ход этого дела.

Комитет Министров выслушал записку министра внутренних дел в заседании 6 января 1864 г. и решительно отклонил все это дело.

Как известно, страстные поляки поспешили обнаружить, к чему именно они стремились под покровом религиозных воплей. Мятежен, открывшийся в январе 1863 г., положил конец правительственным колебаниям и рассуждениям о льготах и уступках для Польши. Но иного темперамента были сепаратисты остзейские, иначе и народ эсто-латышский отнесся бы к ним, в случае мятежа, чем отнеслись польские крестьяне к своим панам, иначе отнеслась бы к ним тогда Пруссия, так нуждавшаяся в видах будущего в помощи России, чем отнеслась к полякам Франция – традиционная покровительница их. Не таков был и министр внутр. дел, чтобы принести в жертву свои воззрения,

приобревшие ему популярность в тогдашнем культурном классе. В том же 1863 г., по другому случаю, однородному с настоящим, именно по делу о порядке присоединения к православной церкви иноверцев, он высказал свой решительный взгляд на церковные каноны в отношении к государству: «давние церковные правила едва ли с удобством могут быть применяемы к обстоятельствам современным и к разрешению законов гражданских», писал он в ответ по поводу ссылки св. Синода в этом деле на древние церковные установления. Но на прямой дороге два раза уже испытано было полное поражение, не было надежды на успех на ней и в будущем. Потребовались иные пути.

В самый разгар польского мятежа, причинившего правительству большие затруднения, новый рижский генерал-губернатор Ливен, остзеец, сделал одно за другим донесение как о верноподданнических чувствах представителей прибалтийского края, так и об усиливавшемся волнении умов по вопросам совести. Донесение об открывшемся и общем волнении крестьян православных по тому же вопросу должно было произвести в настоящую пору особенное впечатление. Министр внутр. дел, вполне признавши факт «волнения между массами сельского населения. Принявшего православие в 1845 г.», внутренно сознавал и тогда «в этом явлении некоторую долю влияния высших классов», но он представил его как факт единодушия между протестантским и православным населением. В виду таких представлений, Государь-Император, в марте 1863 г., все еще отклоняя мысль об отмене закона о смешанных браках, дозволил входить к нему представлениями по частным случаям об изъятиях из действия этого закона, повелел при этом министру внутр. дел условиться с Обер-Прокурором св. Синода Ахматовым о порядке докладов по этому предмету. При этом соглашении, происходившем на словах, Ахматов, как он выражал это в последствии (от 30 апр. 1864 г., письмо Валуеву) письменно, «устранял всякую мысль о возможности для русской церкви отмены правила о смешанных браках и согласился на ходатайство об изъятиях из действия этого правила в частных случаях только именно для того, чтобы устранить возбуждение вопроса о смешанных браках в общем его виде». Условленный порядок состоял в том, что просьбы поступают в министерство внутр. дел, которое, по собрании всех необходимым справок, в случае признания таковых довлеющими, препровождало просьбу вместе с справками к Обер-Прокурору св. Синода для исходатайствования Высочайшего разрешения.

В апреле 1863 г. состоялось первое такое разрешение, данное дерптскому жителю, доктору Ландезену. Хотя на деле прибалтийские дворяне, вступившие в смешанные браки с православными, уже несколько лет не подчинялись закону о крещении и воспитании этих детей в лютеранство, а правительство оставляло их в покое, но это первое Высочайшее разрешение произвело сильное впечатление в целом крае. В Дерптской Газете от 15 июня известие об этом разрешении начиналось так: «Нам доставляет особенное удовольствие сделать радостное сообщение и отдаленным краям»… В то же время рижский архиепископ Платон сообщал Обер-Прокурору св. Синода (от 29 мая, 29 июня, 10 июля и т.д.), какое подавляющее впечатление произвело известие об этом разрешении на всех православных, которые ясно видели на месте и причины и цели, вызвавшие такой оборот дел, со всех сторон слышали откровенные комментарии к нему и испытывали уже тяготу их. Отдельный случай представлен был, как предвестник общего разрешения, и просьбы об изъятии из действия закона поступали одна за другою. Поступали однако просьбы только из круга образованного, – крестьяне воздерживались от них, а высшее сословие давно перестало считать себя обязанным подчиняться этому закону, – и притом почти исключительно по таким случаям, несостоятельность которых и на месте была для всех очевидна. Само министерство внутр. дел, столь покровительствовавшее делу, отклонило в течение года целую треть этих просьб, – столь очевидны были в них мотивы, не имеющие ничего общего с религиозною совестью. Обер-Прокурор св. Синода тем менее считал себя только передатчиком решений министерства, и прежде доклада Государю, самостоятельно взвешивал каждый случай. В течение года (апр. 1863–апр. 1864 г.) оказалось только три случая, по которым Обер-Прокурор нашел

возможным ходатайствовать пред Государем-Императором. Все это дело раскрывало печальную картину того, что на месте выдавали за лютеранскую совесть. Раскрылось, какому обману часто подвергались выгодные православные невесты со стороны лютеранских женихов, которые, заключив договор о браке, подавали просьбы о разрешении крестить детей в лютеранство без ведома своих невест и против согласия их. Раскрывалось, каким соблазнам подвергались при этом невесты, каким натискам подвергались сами женихи со стороны пасторов и немецко-лютеранских фанатиков. Поступали просьбы и от таких лиц, которые уже имели детей, строго воспитанных своими матерями в православии. Находились и русские женихи (Антропов, Сочеванов и др.) которые, ради своих невест-лютеранок, просили о разрешении крестить детей своих в лютеранство.

Получая отказы в разрешении просьб, признанных министерством внутр. дел основательными и достойными Всемилостивейшего внимания, П.А. Валуев не убеждался в фальши всего дела, но тем более проникался ревностью о нем. На месте резко прорвались наружу задачи и цели, поставленные для своих общих усилий духовенством лютеранским и дворянством. Пред открытием дворянского ландтага, 9 марта 1864 г. генерал-супер-интендант Вальтер произнес к членам его, собравшимся в Якуб-Кирхе для молебствия, речь, в которой убеждал их крепко помнить, что они протестанты по религии и немцы по национальности, что в их крае господствующею церковью должна быть протестантская, а господствующею народностью немецкая. Далее он развивал мысль, что к какой бы национальности ни принадлежали предки того или другого из них, – в среде лифляндских рыцарей и землевладельцев на лифляндской почве не может и не должно быть других элементов, кроме немецких, – между ними нет ни эстов, ни латышей, ни шведов, ни ливон, ни, наконец, русских, в Лифляндии могут и должны быть только немцы и т.д. Это говорил тот самый представитель лютеранской церкви в Лифляндии, который впервые своими стараниями вызвал вопрос об угнетениях совести и о свободе ее, впервые возбудил просьбы со стороны крестьян о дозволении вернуться в лютеранство и наиболее резко всюду твердил о томлении народа, обманом вовлеченного в православие… По Высочайшему повелению, Вальтер выслан из края, делу угрожала опасность полного поражения. Но министр внутр. дел представил Государю-Императору, что настоящий случай нисколько не объясняет настроения православных масс в Лифляндии и просил Его Величество, для убеждения в действительности такого положения дела, командировать на место Свиты Его Величества генерал-майора гр. Бобринского. Выбор этого лица достаточно говорил о направлении, в каком снова возникало дело о свободе совести. На месте употреблены были старания к тому, чтобы получилось должное впечатление для этого. Толпы народа, давно уже брошенного на произвол помещиков, являлись, под охраною местной дворянской полиции, к графу Бобринскому с заявлениями о желании их возвратиться в лютеранство. Незнакомый ни с народом, ни с оригинальными условиями края, но горячо проникнутый новейшими идеями, поспешно посетивши всего только два уезда, граф быстро проникся убеждением, что «из числа 140 тысяч православных, числящихся по официальным данным в Лифляндии, едва 1/10 часть может быть действительно исповедует православную веру» и что «остальные никогда душою не были православными» и молят о разрешении вернуться в лютеранство, по крайней мере , дозволить детей их крестить в лютеранскую веру. Граф признавал отношение правительства и православной церкви к народному движению 1845 и 1846 г. «официальным обманом», удержание народа в православии – насилием над его совестью, унизительным для православной церкви и вредным для правительства, и находил: «чтобы выйти из этого положения открывается только один исход: сохранить в лоне православной церкви лишь тех из местных жителей, которые действительно исповедуют православие с предоставлением всем прочим возможности следовать при исполнении их религиозных обязанностей одному влечению совести». Для достижения сей цели, он предлагал «или разрешить родителям право крестить детей от смешанных браков в

православие или в лютеранскую религию по их выбору», или пересмотреть и пересоставить «в широких размерах список вновь обращенных».

Граф Бобринский вернулся из своей командировки к половине апреля 1864 года. В это время, именно от 15 апр., Обер Прокурор св. Синода Ахматов, имевший свои сведения о положении дела, уведомил министра внутр. дел о том, что Государь Император отказал в просьбе двум лицам, признанной министерством уважительною, «как по неимению достаточных причин к допущению в пользу просителей изъятия из существующего закона, так и по случаю распространяемых в Лифляндии ложных слухов и происходящих от того волнений». Понятно, в какое затруднительное положение поставлен был министр Высочайшим отказом в той форме, в какой оно состоялось по докладу Обер-Прокурора. В отзыве по поводу этого объявления, от 20 же апреля, П. Валуев указывал Ахматову на это затруднительное свое положение, напоминал о состоявшемся между ними в прошлом году соглашении, доказывал точность и правильность исполнения со стороны своей этого соглашения, упрекал Ахматова в отступлении от него и этому отступлению приписывал неудачные последствия состоявшихся изъятий из закона. В заключение своего отзыва он просил Ахматова: «1, указать, буде изволите признать возможным, какие именно причины, по Вашему умению, могут быть признаваемы достаточными для всеподданнейшего ходатайства перед Его Величеством о допущении изъятий из существующего закона» и «2, для соответствующих со стороны министерства внутр. дел распоряжений, я долгом считаю покорнейше испрашивать ближайшего указания на те ложные слухи и происходящие от них волнения, о которых Вы изволите докладывать Его Императорскому Величеству».

Между тем, 22 апр. Государь Император передал министру внутр. дел всеподданейшее донесение и записку гр. Бобринского по случаю командировки его, причем признал необходимым выслушать по этому делу, мнения подлежащих лиц. Это совещание, в присутствии Государя Императора, состоялось на другой день, 23 апр. Но оно не привело ни к каким положительным результатам, потому что, за исключением П.А. Валуева, другие, присутствовавшие здесь лица – Ахматов, министр юстиции Панин, архиепископ Платон просил даже Государя Императора дозволить ему лично осмотреть рижскую епархию (преосвященный уже третий год почти безвыездно жил в Петербурге , присутствуя в св. Синоде) и с своей стороны представить заключения о положении всего дела православных эстов и латышей, на что и последовало согласие Его Величества.

Но на другой день после этого совещания, именно 24 апр. министр внутр. дел представил Государю Императору о необходимости – говоря его словами (в отзыве министру юстиции от 29 того же апреля № 80) – «ныне же приступить к окончательному обсуждению и разрешению вопроса о смешанных браках, ибо без предоставления большого простора свободы совести нельзя ручаться за долгое сохранение в крае общественного спокойствия и вместо сближения и слияния с Россией он более и более будет от нее отчуждаться. На сем основании – продолжает он – я счел долгом ходатайствовать о Высочайшем разрешении войти по сему предмету в предварительное сношение и по возможности соглашение» с министром юстиции, «с тем, чтобы наши заключения представить на дальнейшее Высочайшее Государя Императора благоусмотрение. При этом я всеподданнейше докладывал Его Величеству, что на первый раз можно бы было ограничиться рассмотрением вопроса о смешанных браках в отношении в протестантскому вероисповеданию, не касаясь римско-католического, как по уважению современных обстоятельств в западном крае и в царстве польском, так и во внимание к тому коренному различию, которое представляет, касательно таковых браков правила латинской и протестантской церквей. Государю Императору благоугодно было, 24 числа сего месяца, Высочайше соизволить на приведение моих предположений в исполнение». К отзыву своему по этому предмету на имя гр. Панина от 29 апр. 1864 г. № 80, П.А. Валуев приложил выписку из своей записки, читанной им по Высочайшей воле в

заседании Совета министров, 6 января 1862 г. (с которой мы познакомились выше), причем присовокупил, что он и «ныне остается при выраженном им в то время мнении».

Но на этом пути надежды министра внутр. дел разбивались со всех сторон.

Ответ Обер-Прокурора св. синода Ахматова от 30 апреля на отзыв П.А. Валуева от 20 апр. показывает, как далеко расходились между собою в этом вопросе два важнейшие в нем лица. «Вам известно – писал он – что я никогда не находил возможным для русской церкви отмену правила о смешанных браках и согласился повергать от времени до времени на Высочайшее благоусмотрение частные просьбы об изъятиях только из постоянного желания сохранить во всех возможных отношениях единство правительственного направления и действования и что по первым поступившим просьбам было испрошено мною Всемилостивейшее соизволение. Но если затем на некоторые прошения последовали отказы, то Вашему Превосходительству может быть угодно будет вспомнить, что в числе сообщенных мне просьб стали оказываться такие, по которым возможно было испросить Высочайшее Государя Императора разрешение только при оставлении без внимания главнейших обстоятельств ому препятствующих». Указывает на просьбы лиц, состоявших в 4-й ст. родства, на ложные показания некоторых лиц, будто они не давали предбрачной подписки. «Вы конечно, – продолжает затем – изволите согласиться, что я не мог представлять Его Величеству о возможности разрешения подобных, по меньшей мере, неискренних со стороны просителей притязаний. Наконец, до меня стали доходить сведения, что в Прибалтийском крае происходит сильное противу-православное движение и что всемилостивейшие разрешения на смешанные браки без обязательств, требуемых законом, разглашаемы там, как доказательство Высочайшего намерения дозволить всем вообще лютеранам, состоящим в браке с православными лицами, воспитывать детей их в протестантстве, а членам православной паствы изменить их вероисповеданию. Последующие обстоятельства, Вашему Превосходительству известные, это подтвердили. Между тем, мы при соглашении нашем, конечно, не могли предполагать, чтобы Монаршая милость и снисхождение могли послужить поводом к вымогательству у государственной власти отмены общего всей православной церкви правила. После этого сумею думать, Ваше Превосходительство, при беспристрастном взгляде на наши взаимные положения, изволите согласиться, что я не произвольно отступил, впредь до изменения обстоятельств, от состоявшегося в прошлом году между нами соглашения, состоявшегося именно для того, чтобы устранить возбуждение вопроса о смешанных браках в общем его виде»…

На этом отзыве П.А. Валуев написал пространные замечания, объясняющие воззрения и дальнейшее поведение его в этом деле. Приведем некоторые из них. «Если есть русская церковь отдельно от греческо-католической или восточно-католической православной, то для нее именно необходима отмена по государственным потребностям русского государства. Если со стороны синодального ведомства (что естественно) всего было одно мнение, то со стороны министерства внутр. дел (что столь же естественно) всегда было мнение противоположное. Впрочем, и в отношении к восточной церкви следует заметить, что она воспрещала смешанные браки, а не воспитание детей от них происшедших в иноверии. Если церковь сделала один шаг, то и второй может»… «Не закон снисходителен к беззаконным просьбам, а формально неправильные просьбы приносятся из бережливости к неудобоисполнимому и вредному закону»… – «Предположение, что министерство внутренних дел обратилось в пособника «вымогательствам» у государственной власти, я не подвергаю анализу»…

Подобный эпизод на обыкновенном пути положил бы решительное препятствие для дела. Но на избранной дороге поддержка обеспечена была. Спустя пять дней, 4 мая 1864 года, Государь император передал министру внутр. дел всеподданейшую петицию лифляндского дворянства. Эта петиция говорит сама за себя, в особенности в контексте с речью Вальтера, сказанною пред ландтагом на котором она составлена была, и с докладом гр. Бобринского, вслед за которым она послана была. Приведем ее целиком, как образчик

того тона, в каком тщательно старались выдерживать все это дело у престола Государя с нежною душею и возвышенными намерениями. «Верноподданное лифляндское дворянство, в полном сознании лежащего на нем священного долга и в беспредельном уповании на Монаршее милосердие, осмеливается от имени всей губернии и преимущественно ее сельского сословия, повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества всеподданейшее ходатайство Всемилостивейшего внимания Вашего на бедственное положение значительной части местного населения, страждущего под гнетом принуждения совести. Сдерживаемое долгое время стремление к свободе вероисповедания ныне с непреодолимою силою овладело умами. Водворенное уголовными законами принуждение совести, нарушая мир и согласие и посевая пагубный раздор между христианскими исповеданиями и их последователями, с каждым днем становится горестнее и тягостнее. Тысячи теплых молитв ежедневно возсылаются к престолу Всевышнего об избавлении от мучительного стеснения совести. Прибегая к отеческому милосердию Вашему, лифляндское дворянство повергает к стопам Вашего Императорского Величества освященную кротким долготерпением скорбящих всеподданейшую просьбу: Всемилостивейше освободить их от существующего, вследствие действующих уголовных законов, принуждения совести. Дворянство считает особенным счастьем при настоящем случае выразить Вашему Императорскому Величеству чувства искреннейшей и глубочайшей благодарности за Монаршую милость, оказанную уже в отдельных случаях освобождением в смешанных браках от требуемых духовным начальством подписок».

Тем не менее, министр внутр. дел более и более сознавал себя изолированным в среде своих товарищей, по настоящему делу. От 5 июля того же года, граф Панин дал, наконец, объяснения по отзыву его от 29 апр. Граф Панин почти не расходится с П.А. Валуевым во взгляде на церковные каноны, но находит решительные препятствия для настоящего дела с той самой точки, с которой он, министр внутр. дел, видел только неумолимую потребность, именно с точки государственной пользы. Он допускает, что «смешанные браки без всякого стеснения в воспитании детей могут содействовать к сближению и к постепенному слиянию народонаселений», но находить, что «это слияние, в особенности же связью взаимных интересов и сношениями промышленными, торговыми и служебными. Сближение же в духовном отношении, происходящее от веротерпимости, едва ли может быть достигнуто, когда случайные обстоятельства возбудили местную или общую борьбу между различными вероисповеданиями». Он «не отрицает пользы снисходительных мер в отношении воспитания детей, происходящих от смешанных браков», но признает несвоевременным принятие какой либо гласной и общей меры в сем отношении, хотя бы для одного прибалтийского края, ибо и при таком ограничении подобная мера неминуемо произведет брожение в умах в западном крае, как между католиками, так и между протестантами. Он точно также признает необходимость некоторых мер в отношении к сельскому народонаселению Лифляндии, присоединившемуся к православной церкви, но меры снисхождения или терпимости, по его мнению, должны быть ограничены одним лишь сельским народонаселением и могут быть предметом отдельного обсуждения по соглашению с духовным ведомством».

Не столько, может быть, ограничение предмета, сколько «соглашение с духовным ведомством» стояло главным затруднением в этом деле, как то достаточно раскрыли сношения министра внутр. дел с Обер-Прокурором Св. Синода. Эти сношения угрожали еще более обостриться. Архиепископ Платон не успел еще посетить и половины предложенных им для этого приходов, а уже местные власти слали министру внутр. дел самые тревожные донесения о результатах этого осмотра. Он поспешил принять меры, чтобы предупредить или ослабить эти результаты. В письме на имя кн. Урусова, исполнявшего обязанности Обер-Прокурора за временным отсутствием генерал-адъютанта Ахматова, от 27 июля, он просил его «обратить внимание» на то обстоятельство, что при осмотре архиепископом епархии, «крестьяне лифляндские

обращаются к нему с жалобами и просьбами вовсе не подлежащими его ведению, и что Его Преосвященство не только выслушивает их, но входить с ними даже в рассуждения и как бы подает им некоторые надежды, выходящие вовсе из круга предметов, подлежащих пастырскому его ведению». В собственноручной приписке к этому письму, П.А. Валуев выражал свое неудовольствие по поводу письма архиепископа Платона у шефу жандармов кн. Долгорукову, с указанием на жалобы крестьян, лично ему приносимые на помещиков и местных властей, и на неведение поэтому предмету в высших административных сферах. Он наперед называл эти жалобы «односторонними», «не заслуживающими безусловного доверия».

Спустя два дня после этого письма, он снова сделал попытку убедить Ахматова в необходимости проектируемой меры. Необходимость ее – писал он ему от 29 июля – есть «государственная, а не церковная, она не есть вопрос, но факт». Он предлагал решить или разрубить (Francher, resoudre) его, как только можно, без оскорбления однако церковной власти и даже, если то возможно, после предварительного рассмотрения его этою властью. «Но очевидно, сознавал он, что если предоставить эту власть самой себе, то она станет на такую точку, на которой не может быть разрешения, и тогда решение, принятое правительством, произведет сильное впечатление на массы верующих». Он желал бы, чтобы св. Синод в этом деле поставлен был на верную дорогу, и для этого снова доказывает, известными уже нам фактами, что закон о браках не есть догмат, а потому может быть изменен. Однако Ахматов, не высказывал ни малейшего намерения употребить давление на св. Синод.

Оставалась еще одна надежда на возможность поворота в этом деле, это – предстоящее рассмотрение отчета архиепископа Платона об осмотре рижской епархии. Тяжелую картину развернул этот отчет пред глазами правительства. До очевидности раскрывалась на ней фальш того освещения, в котором доселе старались держать пред ним положение народа. Народ православный действительно томился и вопил. Но он томился не под гнетом совести, но под угнетениями со стороны помещиков и местных властей, нудивших его к измене православной вере, вопил не о свободе перехода в лютеранство, но о защите от этих угнетений, доводивших его до отчаяния и до решимости изменить своей вере. Он просил хлеба духовного и телесного, просил церквей, школ, книг, религиозных, просил, чтобы помещики не обезземеливали его и не разоряли, а суды не секли бы без вины. Брошенный правительством и предоставленный всецело опеке дворянства и выборных его властей, видя, что все пути к престолу и высшему правительству пресечены для него, смущаемый уверениями, будто высшее правительство недовольно переходом его в православие и скоро разрешить обратный переход в лютеранство, видя что правительство ни мало не обращает внимания на тех дворян, которые состоя в браках с православными, крестят своих детей в лютеранство (Преосв. Платон привел несколько таких примеров), видя, наконец, что перемена православия на лютеранство влечет за собою свободу от угнетений и блага земные, народ невольно начал колебаться, нетвердые в вере отпали от нее и оставили в руках местных радетелей тот полк «представителей» от имени православных, который всюду являлся пред гр. Бобринским в качестве выборных от народа.

По Высочайшему повелению, отчет Преосв. Платона поручен рассмотрению особого комитета из подлежащих министров под председательством кн. Гагарина. Комитет с первого разу не высказал никакого внимания к ходатайству дворян и пасторов, а занялся исключительно изысканием средств к удовлетворению нужд православного населения и к подъему всех православных учреждений в крае (против чего главным образом восставал гр. Бобринский в своей записке). Если он допустил крупную ошибку, оставив по-прежнему цензуру православных книг в ведении местных лютеранских чиновников, то единственно потому, что министр внутренних дел дал ему неверные сведения по этому предмету.

Последняя надежда на законодательные сферы таким образом потеряна была. Не помог этому делу выбор нового генерал-губернатора для прибалтийского края, графа П.А. Шувалова, горячего сторонника планов министра. Не помогла и появившаяся вскоре по приезде его в край, всеподданнейшая просьба (от 25 янв. 1865 г.) от имени эстляндского дворянства, тождественная с прошлогодней просьбой дворянства лифляндского. Так как в Эстляндской губернии не было ни одного православного эстонского прихода и движение 1845 г. вовсе не касалось этой губернии, то настоящая петиция эстляндского дворянства до очевидности раскрывала, что свобода совести нужна была только дворянству для личных его целей, не имеющих ничего общего с благосостоянием народа.

Но наступали дни тяжелого смущения для сердца Государя, для всей царской семьи, для всех истинных сынов России. В Ницце быстро приближался к смертному одру наследник престола. Понятно настроение нежной и возвышенной души Императора…В это время решительный министр внутренних дел успел склонить Государя к решительному шагу. Придуман был самый благовидный и самый невинный способ: оставить закон на своем месте, нетронутым, целым, дать только православному духовенству прибалтийского края повеление не требовать предбрачной подписки при смешанных браках, никому не объявляя, зачем и для чего он отменяется, и предоставив, содержа все это в секрете и не сообщая о нем ни министрам, ни сенату. Государь Император согласился на эту меру и поручил Валуеву совместно с Ахматовым составить форму Высочайшего повеления по этому предмету

Ахматов оставался непреклонным. «Vous avez cru – писал ему впоследствии (28 апр. т.г.) третий участник этого дела, директор департ. иностр. Испов. Гр. Сиверс, по поводу бывших совещаний относительно формы Высочайшего повеления – devoir decliner ou plutot retarder L’execution de cette mission commune. Un hasard de rencontre, un jeudi soir, a fait que l Empereur s’en est informe et que pour mon travail du vendredi j’ai redige mon projet. Ce projet n’eant pas un rapport ou доклад je ne l’ai pas signe. Vous avez exige la signature apres coup, et j’ai la donne. Je n’ai pu gardez aucune copie authentique d’un document qui a passe en votre possession avant que la sanction supeme y fut paraptee». Как бы то ни было, но, в силу постановленного условия, что все это дело касается лишь православного духовенства, Ахматову довелось лично представить доклад подписанный министром внутренних дел на Высочайшее повеление: «Государь Император Высочайше повелеть соизволить: 1) при совершении, в прибалтийских губерниях, браков между лицами православного и протестантских вероисповеданий, впредь не требовать установленных статьею 67 т. X св. зак. Гражданских предбрачных подписок, на счет крещения и воспитания детей, от сих браков рожденных, в правилах православного исповедания. 2) Поручить епархиальному начальству дать по сему предмету надлежащее наставление православным священникам в лифлянской, курляндской и эстляндской губерниях. 3) Поручить министру внутренних дел поставить о сем в известность прибалтийского генерал-губернатора».

Рукою Ахматова на этом Высочайшем повелении написано: «Высочайше утверждено и повелено привести в исполнение 19 марта 1865 г.» Так первоначально и писалось это Высочайшее повеление 19 марта во всех актах. Но уже в начале следующего года в министерстве внутренних дел стали означать его 15 марта, и с той поры доселе неизвестно под этим последним числом. Нам не удалось дознать причины такой перемены.

Вслед за изданием этого Высочайшего повеления, генерал-адъютант Ахматов объявлял, что он ожидает себе приемника (Собственноручный Валуева проект инструкции рижскому генерал-губернатору от 2 апр. т.г. начинается так: «Г.А. Ахматов объяснил, что он ожидает назначения себе приемника и следовательно может иметь только свое личное мнение, а не мнение по должности»). Но найти ему преемника в таких обстоятельствах не легко было. Поэтому Ахматову пришлось делать первые распоряжения по этому делу. От 21 марта он секретно предложил св. синоду Высочайшее повеление (который от 1 апреля

сообщил его рижскому архиепископу «для надлежащего исполнения», без всяких пояснений) и затем не сообщал о нем никому более.

Не так однако думали теперь в министерстве внутренних дел, как условленно было до издания Высочайшего повеления. Там оказались наготове широкие планы, долженствовавшие совершенно изменить ход и значение всего дела. Министр внутренних дел сразу высказал, что он считает себя главным распорядителем по исполнению Высочайшего повеления и хозяином дела. Не ожидая официального уведомления о состоявшемся Высочайшем повелении и не имея в своих руках даже копии его, он тем не менее поспешил сообщить его рижскому генерал-губернатору и архиепископу Платону. От 23 мар., тот и другой уже сообщили ему о получении этого уведомления. Первый оказал все рвение свое в этом деле. Телеграммой от того же числа, он уже спрашивал министра: «Ландтаг кончается в субботу. Не будет ли разрешено сообщить ему, что существующие преграды для свободы совести при заключении смешанных браков устранены». Таким образом, исполнение духовенством Высочайшего повеления уже думали поставить под контроль дворянства. Министр однако нашел такой решительный шаг преждевременным и удерживал рвение генерал-губернатора. «Сомневаюсь, – отвечал он, – чтобы разрешено было объявить. Нежелательно громкости. Постановлено поручить исполнение епархиальному начальству, а вас известить».

Между тем, судьбы Божии совершились. Наследник Цесаревич скончался в Ницце 12 апреля т. г. Весь этот месяц Государь Император провел то вне России, то дома в кругу своей семьи, в понятном горе. В течении этого то месяца происходила усиленная работа в министерстве внутренних дел, чтобы вырвать управление делом о предбрачных подписках из рук Обер-Прокурора св. синода и установить приемы и способы исполнения Высочайшего повеления по своим видам. На просьбу министра внутренних дел о сообщении ему текста Высочайшего повеления Ахматов ответил отказом, сообщив только первый пункт этого повеления. Тогда начались резкие между ними переговоры и настояния. Ахматов решительно устранял вмешательство министра внутренних дел в это дело и предоставлял ему довольствоваться первым пунктом Высочайшего повеления и черновкою всего текста, которая должна была сохраниться у гр. Сиверса. Последний свидетельствовал, что у него не сохранилось aucune copie authentique d'un document». Но Ахматов продолжал находить «decidement inopportune la communication» полного текста Высочайшего повеления. Неизвестно, какие именно меры заставили Ахматова наконец уступить, и – только 4 мая – он сообщил министру внутренних дел в копии полный текст этого повеления. Вслед за сим найден был преемник Ахматову в лице графа Д.А. Толстого, и дело сполна перешло в руки министра внутрен. дел, находя для себя только полное содействие со стороны нового Обер-Прокурора св. Синода.

В руках министра внутр. дел дело скоро раскрыло истинный свой смысл. Чего же именно думали достигнуть посредством этого Высочайшего повеления и какие результаты получились от него в действительности?

С первого же шага, тесные рамки принятой меры стали раздвигаться и раскрывать целую картину с широкой перспективой. Отмена предбрачных подписок оказалась таинственным семенем, из которого неожиданно и быстро стали вырастать такие требования, которые неумолимо влекли правительство с одной стороны к большему и большему укреплению остзейского сепаратизма, с другой к прискорбному изменению вековечных отношений государства к православной церкви.

1. Генерал-губернатору Высочайшее повеление 19-го марта объявлено 13 мая для сведения, так как мера эта требовала исполнения лишь со стороны православного духовенства. Так гласит канцелярская отметка в «деле» министерства внутренних дел (Особой канцелярии «Дело о смешанных браках в остзейских губерниях, № 55, лист 32). Но того же 13 мая граф Шувалов, бывший в то время в Петербурге, уже отнесся с министру внутренних дел с ходатайством иного рода. Он доказывал, что исполнение Высочайшего повеления требуется не только со стороны православного, но и со стороны

лютеранского духовенства. «Пасторы – заботился он – могут воспользоваться своим официальным поведением, чтобы противопоставлять решительные отказы тем лицам, кои обратятся к ним с просьбами крестить детей в лютеранское исповедание… Если бы часть лютеранского духовенства поставила себя в подобное положение, то я опасаюсь, чтобы не пришлось возбудить вопрос о смешанных браках во второй раз. Но этим не ограничиваются предвидимые мною затруднения. Окажется другая часть того же духовенства, которая почитая себя достаточно развязанною слухом о новой мере, но не зная действительных ее границ, легко может под этим предлогом самопроизвольно придавать этой мере: 1) обратное действие, начав присоединять к своей церкви детей уже крещеных по православному обряду, 2) распространять совращение от православной даже на возрастных».

Казалось бы непонятным, неужели такое крупное затруднение не могло быть предвиденным при самом решении этой меры, после столь долгих и тщательных приготовлений к ней. Настоящее ходатайство генерал-губернатора совершенно изменяло весь смысл принятой меры, передавая дело из рук православного духовенства в руки лютеранских пасторов и ставя под контроль последних. Забота уже не о том, чтобы отмена гражданского содействия пощадила нравственные средства православия, но о том, чтобы не потерпело в чем либо лютеранство и чтобы лютеранскому духовенству расчищена была дорога. Казалось бы, что, для пресечения явно противозаконных действий пасторов, генерал-губернатор имеет достаточные в своих руках средства; но очевидно, что эти средства теперь уже теряют свою силу. Между тем, ходатайство генерал-губернатора казалось непосредственно вытекающим из принятой меры и даже благовидным в интересах православия, и на другой же день, 14-го мая министр внутренних дел получил Высочайшее соизволение на приведение этого ходатайства в исполнение.

С передачей дела в руки лютеранского духовенства тотчас появилась необходимостью, по-видимому, уже совсем неожиданного свойства, разломавшая первоначальные рамки и совершенно изменявшая всю картину. Уже 2-го апреля министр внутренних дел собственноручно записал для памяти (подлинник в деле Особ. канц. № 55 лист 6): Высочайше одобрено. По объяснению с Обер-Прокурором Св. Синода Г.А. Ахматов объяснил, что он ожидает назначения себе преемника и следовательно может сообщить только свое личное мнение, а не мнение по должности. Мною было сказано, что случаи уклонения от закона со стороны православных лифляндских крестьян и местных протестантских пасторов могут преимущественно встречаться в следующих видах: 1) Просьбы о перехода или возвращении в лютеранство со стороны крестьян. По моему мнению, в подобных просьбах всегда и безусловно отказывать, с указанием на закон. 2) Безгласное отпадение от православия принадлежащих к нему крестьян. Непосещение церквей и непредставление детей к крещению . Следовало бы, кроме случаев почему либо особенно резких или получивших большую огласку, оставить без преследования. Снисходительность могла бы быть правилом, а строгость исключением. 3) Совершение пасторами треб для православных, с большею или меньшею гласностью, или даже попытка к поощрению отпадений от православия. Здесь наоборот строгость могла бы быть правилом, а снисходительность исключением, смотря по обстоятельствам и ближайшему усмотрению генерал-губернатора. Г.А. Ахматов против этих предположений не возразил. Граф Шувалов, на заключение которого сообщены были эти предположения, в письме от 17 апреля, выразил свое полное удовольствие – прежде всего – по поводу краткости положений проекта, «carje suis admirateur de tout ce qui est concu laconiquement et a l’administrateur local la liberte d’action necessaire pour son application». По первому пункту он желал бы «sollitation direcrs de quitter le giron de l’Eglise pour passer ou repasser au protestantisme». Ко второму прибавляет приобщение к лютеранской кирхе. Таким образом, по этим предположениям, все отношения между православными крестьянами и лютеранскими пасторами переходили в личное распоряжение генерал-губернатора.

Большая или меньшая «гласность» и «безгласность», «случаи почему либо особенно резкие или получившие большую огласку», эти основы для усмотрения генерал-губернатора также условны, как и воля человека. Странно при этом обрисовывается отказ в просьбах о переходе в лютеранство с непременным «указанием на закон», после того как князь Суворов даже во всеподданнейшем докладе признал действующее церковные законы противными праву и обещаниям Петра Великого, способным вывести из терпения все классы, и когда сам министр Валуев постоянно утверждал, что волнения в крае вызываются законами, стесняющими свободу совести. Тем не менее, форма инструкции являлась благовидною с точки гуманности. Поставивши пасторов в прямые отношения к детям, необходимо было определить их отношения и к родителям, совершенно неизбежные, а за ними – к их родным, приятелям, ко всем православным. Необходимость инструкции казалась неизбежною. Высочайшее повеление по этому предмету объявлено графу Шувалову от 31 июля в буквальной форме трех пунктов памятной записи министра Валуева.

При такой постановке всего дела, теряли уже смысл находившиеся в производстве дела по нарушению закона о крещении, возникшие до 19 марта. От 27-го ноября, министр внутренних дел секретно уведомил генерал-губернатора что, по ходатайству его, Государь Император повелел прекратить эти дела.

В том же году найдено необходимым издать инструкцию для пасторов в руководство при исполнении объявленного им Высочайшего повеления 19-го марта. В этой инструкции невольно, при данных обстоятельствах, обращает на себя внимание название: «греческо-православная церковь», «греческо-православное духовенство», выдержанное в целом в тексте за исключением одного случая, в § 3. Известный уже нам генерал-супер-интендант Вальтер, будучи еще пастором в Вольмаре, в 1847 году подвергся допросу за фанатические речи и действия против православия. На вопрос, почему он обыкновенною темою своих проповедей избирает сравнение «православной церкви» с «лютеранской», он отвечал: «этого не могло даже быть, так как я с своими прихожанами верую, что мы исповедуем истинную апостольскую веру, и потому я никогда не мог в своих сравнениях противопоставлять православную веру лютеранской, а разве только сравнивать греческое вероисповедание с лютеранскими или греческо-православное с лютеранско-православным» причем сам, свидетельствовал, что такое сравнение выходило у него «cam grano saila» и что, по его мнению, невозможно переходить «в греческо-русскую» веру «ради земных выгод». 9-летнее управление Вальтера делами лютеранства в Лифляндии успело привить эту идею его даже в канцелярских сферах… Проект инструкции составлен был в лифляндской консистории, подвергся изменению в генеральной консистории и в министерстве внутренних дел, но название «греческо-православная церковь», напоминающее «лютеранско-православную», осталось без перемены. § 1 этой инструкции (состоящей всего из 4 §§), после изложения I ст. Высочайшего повеления 19-го марта гласит: «При этом пасторы не могут опасаться подпасть наказаниям, установленным законами, за совершение какой либо духовной требы и за преподавание учения детям от смешанных браков православных с иноверцами». Ни в этом, ни в следующих §§ инструкции, к этому положению не сделано никаких пояснений, т.е. не сделано никакого разграничения между детьми от браков, заключенных 19-го марта и после него, вообще между детьми давших и не давших подписку. Таким образом, пасторы теперь официально уполномочивались не только крестить и воспитывать потом в лютеранстве всех детей от смешанных браков, заключенных после 19-го марта, без подписок, но и совершать требы и обучать лютеранской вере детей, уже крещенных в православие, вследствие данных 19 марта подписок. § 2 предписывает пасторам «наблюдать» за прекращением существующих незаконных сожитий между православными и лютеранами и, убеждая сожителей к исполнению обряда венчания по правилам православной церкви, крестить детей, происшедших от этих книг сожитий и вносить их в лютеранские метрические книги. По

объяснениям всех рижских православных епископов, доселе бывших, сожития из нежелания венчаться в православной церкви, а до 19 марта – дать подписку, были весьма редки и происходили преимущественно от недопущения священниками этих лиц, к венцу вследствие или близкого родства между ними, или за наступившим постом, – пасторы же охотно тогда благословляли таких лиц на сожитие. По донесению преосвященного Доната (от 17 декабря 1884 года № 6420), такие сожития пасторами разрешены были с 1866 г. по 1879 год для 650 пар (за время до и после этого срока сведений не собрано). § 3 инструкции уполномочивает пасторов вносить в метрические книги детей от смешанных браков, даже «при заключении коих даны были подписки», крещенных по лютеранскому обычаю «по нужде». Рижские преосвященные свидетельствовали в своих донесениях и сообщениях, что крещение «по нужде» обыкновенно совершаемо было разными лютеранскими фанатиками, которые сторожили роды в семьях православных или смешанных, врывались в дома тотчас после родов, когда мать в болезни, а отец на работе или в хлопотах, и крестили новорожденного, утверждая что находят опасно больным. То же делалось и посредством акушерок. «По не повторяемости крещения», продолжает инструкция, совершение этого обряда по нужде «должно быть вносимо протестантскими проповедниками в церковные книги». Но так как такой акт уже совершенно противозаконен, то инструкция спешит оправдать его тем, что это делается только для того, чтобы самый факт крещения впоследствии не мог подлежать сомнению» и что при такой записи «православная церковь нисколько не теряет права считать такое лице принадлежащим к этой церкви». При этом конструкция даже заботится внушить пасторам, что в таких случаях на обязанность православного духовенства тем не менее остается убеждать родителей приносить таковых детей своих для миропомазания». Тяжелой иронией отзывается это пояснение и добавление в глазах тех, кто знает, что за печать наложило на родителей это крещение «по нужде», в тогдашних обстоятельствах, не потерявших силы и доныне, и чем рисковали родители, если бы они допустили себя склонить на убеждения священника.

Не будем далее следить меру за мерой, все более и более упрочивших «свободу совести» для лютеранов. Указанные доселе меры достаточно уже определили размеры этой «свободы». Крещение всех детей, допущение их к обрядам лютеранским и обучению лютеранской вере, принятие к обрядам и в лоно протестантства всех возрастных, лишь, бы это все делалось «по нужде» и без «особенной громкости», этими мерами достаточно обеспечивались успехи «свободы» для лютеранства». В какое положение, при всех этих мерах должна была поставить себя в крае православная церковь?..

Получив Высочайшее повеление 19 марта при указе Св. Синода от 12 апреля, «для надлежащего исполнения» и без всяких пояснений, преосвященный Платно, считая дело подлежащим исполнению в кругу православного духовенства и встречая множество недоумений, вызываемых этою мерою на практике, счел долгом предварительно испросить разрешения этих недоумений. Тотчас же по получении указа, именно от 17 апреля, он обратился в Св. Синод по поводу первого, прежде всего возникшего у него, недоумения, именно, ко всем ли православным, в том числе и русским и вообще приезжающим в край, относится Высочайшее повеление, или только к туземцам – германского, эстонского и латышского происхождения. От 23 апр. из Ст. Петербурга, где уже третий год состоял присутствующим в св. Синоде, преосв. Платон предложил рижской консистории «объявить священникам рижской епархии о Высочайшем повелении, а вместе с тем предписать им, чтобы они не разглашали о нем впредь до особого моего распоряжения, но имели его в виду при совершении браков между лицами православного и протестантского исповеданий и благоразумно располагали своих прихожан, желающих вступить в брак с лютеранами, чтобы они избирали себе женихов и невест между православными, так как это гораздо полезнее для них в религиозном и семейном отношениях». Так как это предложение послано из Петербурга, то очевидно, что в нем выражено было не личное только мнение Преосвященного, но и мнение

тогдашнего церковного правительства. Рижская консистория, получив это предложение Пр. Платона, но без обычного в таких делах указа св. Синода, который в настоящем случае дан был Преосвященному лично, лишенная всяких объяснений, естественно вызываемых делом, смущена была, каким образом исполнить предложение. От 5 мая Преосвященный снова предложил консистории объявить духовенству Высочайшее повеление для исполнения в отношении «коренных жителей прибалтийских губерний германского, эстского и латышского происхождения». От 10 мая консистория разослала об этом циркуляр благочинным. В приходах, в захолустьях, этот цикркуляр произвел всеобщее смущение. Священники недоумевали: «не требовать подписок», – но можно ли располагать к тому, или убеждать к крещению детей в православие? Как поступать, в случае брачующиеся решительно откажутся от всяких убеждений? Нельзя ли отклонять такие браки, дабы не обратить таинство брака в простую церемонию и молитв – в пустой звук для брачущихся? Принимать ли подписки от тех, которые сами пожелают или согласятся дать таковые? Наконец, – главное, – как согласить данное распоряжение с канонами православной церкви? Почему не присовокуплено к Высочайшему повелению объяснение св. Синода по этому делу, какое приложено к Духовному Регламенту относительно закона 1721 г. и без которого совесть иерея должна оставаться связанною данною при рукоположении присягою в соблюдении канонов и постановлений православной церкви? При других обстоятельствах, эти вопросы в большинстве, может быть, и не имели бы места, другие были бы разрешены или облегчены; но в данном положении они являлись неизбежно для священников и, при строго критическом отношении лютеран в каждому их шагу, отзывавшемуся на понятиях народа о достоинстве самой православной церкви, настойчиво требовали разрешения. Особенно всех связывал вопрос об отношении произведенной перемены к церковным канонам и постановлению св. Синода от 18 августа 1721 г. (вышеупомянутое объяснение в Духов. Регламенте). Один за другим, потом все вместе по благочиниям священники подали Преосв. Платону просьбы ходатайствовать пред св. Синодом о разрешении их иерейской совести. С другой стороны, народ, в значительном большинстве оставшийся верным православию, пришел в совершенное недоумение. Среди крайних угнетений, он утешал себя в своей простоте тем соображением, что его вера – царская вера, что соблазны, подговоры, преследования и насилия к измене православию, отторгающие от церкви слабодушных, есть произвол, который раньше – позже покарается законом. Теперь это утешение отнято у него, лютеранам дается свобода пользоваться всеми средствами для предупреждения подписок и крещения детей в православную веру. Смущение православных так было велико, что они готовы были верить священникам, что существует такое Высочайшее повеление, особенно в виду того, что самый закон не отменен. Они обращались к Преосв. Платону с самыми наивными вопросами по этому предмету и с просьбами ходатайствовать пред Государем Императором об отмене такового повеления, если оно действительно последовало.

Но когда в православной среде происходило это понятное смущение и недоумение, со стороны лютеранских радителей пущено в ход все, чтобы еще больше смутить умы и спутать все дело. Не даром ландтаг с таким нетерпением ожидал известия об «устранении преград для свободы совести» о котором ходатайствовал генерал-губернатор телеграммой от 23 марта. Еще Высочайшее повеление 19 марта не было получено в рижской консистории и никто из священников не знал о нм, как уже по всей лифляндии пасторы объявили о нем с кафедр в кирхах, помещики на мызах, разные агенты разосланы были объявлять о нем по деревням, колониям, мельницам, даже корчмам. Объявление, как со всех сторон доносили священники и прописывали в своих жалобах православные прихожане, производимы были в тех формах какие составляли предмет столь долгих усилий дворян и пасторов, именно, что лютеранство поставлено господствующей религией в крае и потому можно не только крестить всех детей, но и переходить всем в

лютеранскую веру. За объявлением следовало исполнение; страсти разнуздались, повсюду усилены были подговоры, обещания благ земных, понуждения и понукивания.

В целом этом возбуждении и недоразумении, прямо вызванных мерою 19 марта, которых притом нельзя было не предвидеть, генерал-губернатор решительно всю вину приписывал православному духовенству и употреблять все старания только к тому, чтобы оградить лютеранские интересы от посягательства со стороны православной. Угнетенным и страждущим являлось лютеранство, гонителем его и противником правительства стало православное духовенство. Ничего не предпринимая к тому, чтобы сдерживать лютеранскую сторону, не внимая никаким жалобам православных, он настаивал на том, что все возбуждение в крае происходит от неточного исполнения православным духовенством Высочайшего повеления 19 мар. Получив разрешение на объявление лютеранскому духовенству этого Высочайшего повеления, он не объявлял его до 21 окт., предоставляя делу идти собственной дорогой, под предлогом ожидания, пока православное духовенство с своей стороны надлежаще исполнит его. Начался целый ряд мер, чтобы заставить это духовенство точно исполнять Высочайшее повеление. Объяснения, указания и настояния шли от министерства внутр. дел, которому теперь принадлежало руководство всем делом, и от нового Обер-Прокурора св.Синод.

Мы сказали, что Преосвященный Платон, получив указ св. Синода от 12 апр., тотчас вошел с ходатайством о разрешении вопроса: ко всем ли православным относится Высочайшее повеление, или только к туземцам? Св. Синод только 16 июня приступить к решению этого вопроса. Промедление понятно среди недоумений, в какие существенно ставила православную церковь мера 19 марта. Св. Синод полагал, что следовало бы принимать эту меру в смысле финляндского закона, т.е. что ей подчиняются только коренные жители края и притом, чтобы дети крещены были в веру отца. Постановлено «представить об этом на Высочайшее усмотрение». Было ли представлено это мнение на Высочайшее усмотрение: из дел св. Синода не видно. От 13 окт. Пр. Платнон повторил свое ходатайство по этому делу. Но св. Синод уже ничего не мог постановить, а граф Шувалов от 28 окт., уведомил преосвященного, что но находит сделанное им от 5 мая распоряжение о применении Высочайшего повеления только к туземцам прибалтийских губерний неправильным, так как этим распоряжением русские лишились бы предоставленной им льготы, и просил немедленно отменить его. Преосвященный Платон подчинился этому требованию, без сомнения, имея к тому внушительные побуждения.

От 22 окт., гр. Шувалов, в письме на имя министра внутр. дел, излагая печальное положение религиозных дел в крае, по поводу Высочайшего повеления 9 марта и возлагая всю вину в нем на православное духовенство, между прочим указывал на меры «придуманный духовенством» в целях противодействия Высочайшему повелению. Этими мерами по его мнению, были: 1) требование священникам от православного брачущегося лица знания главнейших молитв, а также исповеди и приобщения св. тайн, и 2) подпись так называемого обыска. Вопрос об этих мерах возбужден пасторами и лифляндской консисторией, которые в жалобах своих генерал-губернатору свидетельствовали, что прежде издания Высочайшего повеления эти меры не существовали и что они «придуманы» православным духовенством именно для того, чтобы парализовать действие этого повеления. Так теперь говорили представители лютеранства, которые до сего времени одним из важнейших аргументов против православия эстов и латышей ставили недостаточность знания ими веры, которую они принимают, неведение истин ее, которые выставляли девизом своей религии сознание и разумное убеждение, которые считали догматом лютеранства требование, дабы лица обоего пола, по достижении брачного возраста, подвергались шестинедельному изучению и повторению истин лютеранства, затем публичному экзамену пред всею церковью и приобщению, и ставят это требование абсолютным условием для принятия в число членов церкви (confirinatio). Генерал-губернатор, вполне разделяя взгляд пасторов на требования священников знания молитв, исповеди и приобщения св. тайн пред браком, со стороны лица православного, выражал (в

том же письме) убеждение, что «если стеснения будут продолжаться то положение здесь вопроса о смешанных браках едва ли может улучшиться». Он указывал на неразвитость крестьян, признавал недостойным и преступным со стороны священников старание поднять сознание их этими мерами и, наконец, выражал «сомнение, чтобы достоинство православной церкви, ее успехи, могли вызвать подобные меры». Осведомившись от генерал-губернатора о содержании этого письма его, преосвященный Платон, от 25 окт., отнесся к министру внутр. дел с объяснением, что 1) знание важнейших молитв брачущимися требует § 122 книги о должностях пресвитеров приходских, и это делается православными священниками прибалтийского края не со времени издания Высочайшего повеления 19 марта, но издавна, и в доказательство ссылался на свой циркуляр к духовенству в 1858 г. с подтверждением неослабного исполнения этого правила; 2) исповедь и св. причастие пред браком требуются, как древнее установление, кормчею книгою ч. 2, гл. 50, о тайне супружества; 3) обыски требуются законами. Преосвященный Платон с своей стороны указывал, что, по поводу смешанных браков, со времени 10 мар., в целом крае возникли раздоры, главною причиною которых служит вмешательство в это дело пасторов, и выражал свое мнение, что лучшим средством в данных обстоятельствах для устранения раздоров была бы отменена самих смешанных браков. Это письмо Преосв. Платона министр внутр. дел получил 30 окт., он 29 окт. Он уже успел доложить Государю Императору письмо гр. Шувалова от 22 окт. На этом последнем рукою министра отмечено: «Доложено Его Величеству по предварительном соглашении с Обер-Прокурором св. Синода и Высочайше повелено: объявить Обер-Прокурору для передачи и исполнения по принадлежности Высочайшую волю, чтобы состоявшееся повеление об отмене предбрачных подписок исполнялось в точности и чтобы смешанным бракам не предоставлялось произвольных и неправильных затруднений, посредством требования предварительного исполнения или соблюдения таких условий, исполнение или соблюдение которых не требуется или доселе местным духовенством не требовалось при браках православных между собою». Граф Толстой уведомлен был этой Высочайшей воле в тот же день и на другой день, 30 окт., уже сообщил о ней преосв. Платону, буквально по приведенной пометке министра внутр. дел, без всяких пояснений. Письмо преосв. Платона министр по предварительном соглашении с Обер-Прокурором св. Синода, доложил Государю Императору 5 нояб., но вместе с другим собственноручным письмом гр. Шувалова, который между прочим заверял, что «En general Platon,n’est pas un mauvais homme, il sonnait le pays et pourrait etre tres bien a sa place, s’il se decidait une fois pour toutes a se diriger d’apres les ordres du Synode (Обер-Прокурора) et non d’apres les articles de la Gasette de Moscou. Ce resultat sera obtenu aussitot que les chefs parleront un langage serieux». – Письмо пр. Платона осталось таким образом без последствий. – тогда же доложена была Его Веичеству копия протеста гр. Шувалова против ограничения преосв. Платоном Высочайшего повеления 19 марта кругом туземцев германского, эстонского и латышского происхождения и с той поры этот протест принять в руководство для православного духовенства.

Между тем, пр. платно, по донесениям священников, постоянно заявлял о препятствиях со стороны пасторов в смешанных браках. Так пасторы, обязанные оглашением о таких браках в кирхах (вспомним ходатайство их в 1819 г. об установлении этих оглашений, требовали, чтобы для этого жених и невеста предварительно являлись к ним. При этом, они всячески убеждали их не склоняться ни на какие убеждения и заявить, что желают крестить своих будущих детей в лютеранство. В случае несогласия православной половины, лютеранская половина подвергалась настоянию избрать другого жениха или невесту, причем нередко пасторы давали деньги в возмещение произведенных уже расходов по делам сватанья, и случалось, чтобы обе половины являлись потом к священнику и ложили пред ним эти деньги во свидетельство настояния со стороны пастора. Лютеранской половине строго воспрещали являться к священнику до венца, отчего происходили потом замешательства при совершении брака, и один священник

действительно повенчал не то лицо, которое значилось в оглашениях и в обыске. В случае решительного отказа обеих сторон от увещаний и понуждений, пасторы под разными предлогами медлили оглашением в кирхах, пока не наступал пост. Лиц, давших подписки до 19 мар. Пасторы склоняли к заявлению, что они не знали, какую бумагу давал им подписать священник. По всем этим и подобным случаям, гр. Шувалов, постоянно настаивавший, чтобы священники ни под каким предлогом не брали подписок при браках и никоим образом не касались при этом совести брачущихся, не предпринимали в отношении к пасторам никаких мер, и резолюция его на подобных сообщениях была одна» «оставить это дело без последствий». Напротив, по жалобам пасторов и лютеран, что священники склоняют лютеранскую половину к принятию православия он, отзывом на имя пр. Платона от 11 нояб. за № 3823, указывая на то, что старается избегать в духовных делах следствий, просил его снабдить православное духовенство надлежащим по сему предмету наставлением для прекращения вышеозначенных случаев, которые в противном случае потребовали бы еще других правительственных мер.

От 10 янв. 1866 г., преосв. Платон, по просьбам всех священников, вошел в св. Синод с ходатайством о разрешении их совести соответственным объяснением по поводу повеления 19 мар. Между тем, еще в том же письме на имя министра внутр. дел от 22 окт. Гр. Шувалов предупреждал, что всего «один или два православных священника» просили о разрешении их совести и что это домогательство, которое, по мнению моему, есть попытка сопротивления мерам высшего правительства, не найдет защиты ни в св. синоде ни у Обер-Прокурора, и что излишним снисхождением в этом случае не будут вызваны подобные же заявления от прочих членов православного духовенства, что прибавляет он – несомненно поставило бы правительство в затруднительное положение». Но на той дороге, на которую министр внутр. дел успел поставить все дело, это опасение уже было излишним, выход из затруднения оказался простым делом. Вместо рассуждений и объяснений со стороны св. синода, который очевидно, не мог дать их, преосв. Платон вызван был в Петербург, вместе с гр. Шуваловым. «Бывши в Петербурге» – писал преосв. Платон в циркуляре своем к благочинным от 14 февр. – я совещался по предмету смешанных браков в прибалтийских губерниях с главнейшими членами св. синода, объяснялся о них с г. синодальным Обер-Прокурором, прибалтийским губернатором и министром внутр. дел, и удостоился лично получить наставление от Его Императорского Величества. Вследствие сего, поручаю вам, о. благочинный, объявить без огласки подведомственным вам священникам, что Государь Император изволил подтвердить мне, чтобы православное духовенство рижской епархии в точности исполняло помянутое повеление его и отнюдь не делало никаких произвольных и напрасных затруднений к совершению браков между православными и лютеранами. Далее из циркуляра оказывалось, что священникам предлагалось успокоить свою совесть следующими соображениями: «а) во время 6 Вселенского собора не было еще протестантов и поэтому при составлении 72 правила его они в виду не имелись; б) в определении св. синода 1721 г., напечатанном в духовном Регламента, не дозволяется иноверцам жениться без подписки о воспитании детей их в православной вере на русских девках и вдовах, но не запрещается венчать их без такой подписки с лицами другого племени, каковы напр. жители прибалтийских губерний германского, эстонского и латышского происхождения; в) св. синод, объявив указом от 12 апр. прошедшего года для надлежащего исполнения Высочайшее повеление, чрез то самое дает разуметь, что такие браки беспрепятственно могут быть совершаемы без вышеозначенных подписок». Что касается знания символа веры, молитвы Господней и 10 заповедей и гоненья пред браком, то требование это разрешалось священникам под тем непременным условием, чтобы «1) если окажется, что они не знают достаточно сих предметов, то не следует считать сего причиною к не совершению или замедлению браков», 2) «священники могут внушать прихожанам своим, вступающим в брак, чтобы они очистили свою совесть покаянием и приобщением Св. Тайн», но – опять – не исполнение этого требования не должно служить препятствием к

совершению брака. И, циркуляр оканчивался предостережением, что поведение в этом деле священников «считается некоторыми правительственными лицами за сопротивление Высочайшему повелению и может иметь вредные последствия».

От 21 того же февр., гр. Толстой уведомить преосв. Платона, что он докладывал копию циркуляра Государю Императору и что Его Величество «изволил выразить уверенность, что засим прекратятся всякие недоразумения об исполнении Высочайшего повеления по сему предмету».

К крайнему прискорбию, недоразумения по этому предмету не только не прекратились, но и усилились и только изменили свою форму. Приведем один пример.

В том же году, вскоре за вышеприведенным циркуляром, преосв. Платон, видя свою паству со всех сторон обуреваемою и расхищаемую, обратился к ней с словом утешения и назидания. Он напечатал в духовном журнале «Странник» семь окружных посланий к православному народу, в которых объяснял истины православия, убеждал твердо стоять в них, не увлекаться чуждыми учениями, повиноваться правилам и постановления церкви. Эти послания тогда же переведены были на языки эстонский и латышский и распространены в народе. Народ православный с жадностью читал их; даже лютеране покупали листки посланий, читали и обсуждали их, под влиянием их значительная часть лютеранского прихода в Курляндии (Тукум), не смотря на самое опасное время, присоединялись к православной церкви. Эти послания, по словам записки, составленной в канцелярии курляндского губернатора и препровожденной им, от 4 июля 1867 г., директору департамента иностр. Исповеданий гр. Сиверсу, «произвести весьма тревожное впечатление на обывателей Курляндской губ. и крайне взволновали умы между всеми сословиями населения этой губернии». Местные власти повсюду отбирали листки этих посланий, подвергали аресту, суду и штрафам распространителей их – по той причине, как они официально объясняли, что эти послания не пропущены были местною (лютеранскою) цензурою. В марте 1867 г. пр. Платон перемещен на иную кафедру.

Преемник преосв. Платона постоянно ходатайствовал об ограждении православной церкви от угрожающего ей «полного расстройства», постоянно жаловался на полный произвол пасторов, ходатайствовал об изменении данной пасторам инструкции, о разъяснении Высочайшего повеления 19 мар. Св. синодом, и т.д. Но какой ответ мог дать ему в этом деле св. синод!.. Ни по одному такому ходатайству ответа не получено от него. Между тем, рижские генерал-губернаторы продолжали усилия своих предшественников. Гр. Баранов, на заявления преосвященного относительно пасторов, прямо признавал, что, «на основании инструкции, он не считает себя в праве воспретить пасторам подобные действия». Генерал Альбединский, напротив, по жалобам пасторов на священников, отзывом на имя преосвященного от 4 февр. 1867 г., погрозил православному духовенству судом. Много стараний приложил он к материальному обеспечению православного духовенства, к улучшению православных школ, к постройке православных церквей, но все эти добрые меры не изменили нравственного положения православного духовенства и народа.

Что же? Удовлетворилось ли остзейское дворянство и протестантское духовенство всеми этими мерами к упрочению «свободы совести»для лютеран? Совсем наоборот. Немедля после издания Высочайшего повеления 19 марта , остзейские представители дали правительству ясное доказательство того, что они приняли эту меру только как почву для своих стремлений и как первый шаг к ним.

От 27 апр. 1865 г. лифляндский предводитель дворянства кн. Ливен представил на имя министра внутр. дел краткую меморию, в которой, разъясняя как необходимость, так и сферу отмены 67 ст. т. Х св. зак., заявлял, что в соответствии с этой отменой, должны быть отменены для прибалтийского края все первые 78 статей того же тома. Он утверждал при этом, что в остзейских губерниях до последнего времени «в делах вероисповедания и в особенности при заключении смешанных браков существует закон свободы совести», основанный на дарованных краю привилегиях, и что хотя «фактически» наблюдается

иной порядок, в пользу православия, но этот порядок «заключает в себе нарушение закона». Таково, заключает он, «укоренившееся в остзейских губерниях убеждение», и «это убеждение несколько успокаивает умы, так как все надеялись на восстановление старинного права, дарованного остзейским губерниям разными трактатами и до сих никогда никакими законами не отмененного». Одновременно с этим заявлением поступила и записка курляндского предводителя гр. Кайзерлинга. В этой записке указываются следующие несообразности XI т. Св. Зак. В отношении к Курляндии: ст. 1: «Православная церковь есть первенствующая и господствующая»…, ст. 4: «одна только господствующая православная церковь имеет право убеждать последователей иных христианских исповеданий иноверцев к принятию ее учения о вере»; ст. 5: «Если исповедующие иную веру пожелают присоединиться к вере православной, то никто ни под каким видом не должен препятствовать исполнению сего желания». Гр. Кайзерлинг напоминал при этом: «В манифесте Императрица Екатерина II 18 апр. 1795 г. Императорским словом своим за себя и преемников своих именно объявила, что «свободное исповедание веры, от предков наследованной, соблюдено будет в целости». Он поэтому признавал необходимым, «чтобы действие всех статей введения 1 ч. XI т. было отменено в отношении к лютеранской церкви остзейских губерний».

И так, дело поставлено ясно: отмена закона о смешанных браках сама по себе не имеет смысла, необходимо отменить все законы в пользу православия в прибалтийском крае и признать привилегии (условные, в общих выражениях) за ненарушимые трактаты. Представители края имели теперь на своей стороне требования самой логики: нет возможности применить сполна Высочайшее повеление 19 марта, не отменив всех законов, с которыми оно прямо или посредственно сталкивается и не признавши лютеранство господствующего верою в крае, а православие – терпимою, а затем нет возможности удержать лютеранство на этой высоте без признания привилегий за трактаты с державой. Невозможно более обличить крайнюю легкость и мечтательность наших политиков, думавших отменою закона о смешанных браках успокоить лютеранскую совесть в прибалтийском крае.

Не удовлетворилось этой мерой и лютеранское духовенство. От 25 сентября 1865 года, вице-президент генеральной лютеранской консистории Ульман препроводил министру внутренних дел «мемориал» лифляндской лютеранской консистории. Не смотря на Высочайшее повеление 19 марта, консистория заявляла, что «евангелическо-лютеранские пасторы и значительная часть лифляндского населения, присоединенного в 40-х годах к православию, подвержены тяжким стеснениям совести» и что от этого стеснения «ожидаются крайние последствия, могущие повести к окончательному ниспровержению церковных и гражданских порядков, если будут приняты меры к удовлетворению настоятельнейшей потребности лютеранской церкви в изменении существующих на сей предмет постановлений». К-рия просила: 1) принять решительные меры против православных священников в деле о смешанных браках и 2) предоставить пасторам право совершать все требы для православных крестьян. Но вместе с тем она заявляла, что смотрит на обе эти меры как на временные, переходные «пока вследствие изменения обстоятельств окажется возможным разрешить крестьянам формальный переход в лютеранскую веру». Вот к чему стремилось лютеранское духовенство и вот как оно смотрит на Высочайшее повеление 19 марта!.

Признания гр. Шувалова, по поводу этого «Мемориала», высказанные в знакомом уже нам письме его к министру внутренних дел от 22 октября, вводят нас в тайник политики дела о смешанных браках и показывают, что сами виновники этой политики слишком скоро увидели себя попавшими в западню, из которой нет выхода. «Вероятно, писал он в этом письме, Вы, милостивый государь, как и я, сожалеете о том, что правительство в 1845 и 1846 гг., не ограничиваясь лишь нравственным покровительством православию взяло, так сказать, движение это в свои руки и этим возложило на себя ответственность как за настоящее положение этого дела, так и за разрешение его в

будущем. Высочайший указ 1865 г. от отмене предбрачных подписок казалось бы мог дать всему делу такое направление, которое заключало в себе ручательство постепенного и правильного его разрешения без принятия таких радикальных мер, кои могли иметь виду равнодушия к интересам господствующей церкви. Мерою этою не разрешаются переходы из православной в лютеранскую церковь, но допускаются лишь смешанные браки без всякого обязательства насчет воспитания детей, от сих браков родившихся, и этим как бы указано, что разрешение религиозного вопроса может состояться не тотчас, но только в будущем поколении. Для осуществления сей благой мысли необходимо было содействие православного духовенства. К сожалению, это важное условие успеха духовном не выполняется»… Положение действительно безвыходное, если главный расчет в таком деле возлагался на православное духовенство, т.е., чтобы оно своими руками передавало лютеранству веру в народе «если не теперь, то в будущем поколении»…

Мера за мерой принимались затем, чтобы поставить православной духовенство на эту дорогу, а надежды на успех задуманного плана все более и более разрушались. «C'est avec un sentiment doulourex – докладывал он Государю Императору в письме (я пользовался копией иностранных исповеданий под заглавием: «Приложение к делу о смешанных браках», без №, лист 54-56, на этой копии год и число письма не означены; по содержанию оно должно быть отнесено к началу 1866 г., когда Шувалов уж просил об увольнении его от должности генерал-губернатора) – que j'aborde la question confessionelle dans les Provinces Baltiques. Elle se trouve aujoud'hus dans une fase, ou il serait deplorable de la laisser plus longtemps. C'est pourquoi je viens la soumettre a attention toute particuliere de Votre Majeste…Je cherche pour elle une solution, qui de jour en jour devient plus urgente». Горько жалуется он затем на преосв. Платона и на православных священников, но все таки не может придумать иного способа для успеха дела, как содействие православного духовенства и дает советы Государю, как расположить духовенство к этому содействию, употребляя все влияния на преосвященного Платона, которого он продолжал считать подходящим для этого дела.

От 20 декабря 1866 г., состоя уже шефом жандармом, гр. Шувалов, вследствие сообщения министра внутренних дел о крещениях «по нужде», отвечал, что «религиозный вопрос в прибалтийском крае находится в затруднительном и отчасти в безвыходном положении». Что в этом вопросе невозможно руководствоваться буквою закона, необходимы личные указания Государя Императора, – что по вопросу о крещениях «по нужде» нельзя ожидать «никакой пользы от официальной переписки», а ограничиться бы личным обменом мыслей между министром , Обер-Прокурором св. Синода, генерал-губернатором и шефом жандармов.

Но затруднения, не поддаваясь никаким мерам, все росли и росли. С 1865 г. начались и все более и более усиливались попытки вмешать в это дело даже Европу. Сиверс, Фон-Бокк, Эттинген, Ширрен и мн. др., все видные лица в среде прибалтийского дворянства и даже высокопоставленные лица в администрации края создали заграницей литературу на тему о невыносимых преследованиях совести в прибалтийском крае, о попрании «трактатов». Разные лютеранские «союзы» составляли приговоры, – сторожили Государя Императора в путешествии Его по Европе, обращались к министру иностранных дел…

В то же время, молодое общественное мнение в России обрело в делах прибалтийского края опасную для себя школу. Газеты самых противоположных направлений ополчились на защиту русских интересов в этом крае, и это возбуждение тем именно становилось опасным, что все голоса сливались в одном тоне – в защите православной церкви и русской государственности против самого правительства. Репрессивные меры, принятые по этому случаю министром внутренних дел против газет, принесли только больший вред: они вызывали появление «Окраин России» Ю.Ф. Самарина, которые глубоко отозвались во всех патриотических русских сердцах…

Правительственные лица все еще не теряли надежды; с одной стороны задевались pia desideria, приравнявши православные школы в прибалтийском крае к лютеранскому образцу, с другой – обеспечивали лютеранскому духовенству влияние его на лютеранских детей, уклоняющихся от лютеранских школ (Высочайшие повеления 1872 и 1873 гг.) Но не смотря на все меры, претензии дворянства и пасторов только выростали, дела в целом крае шли все хуже и хуже. Наконец, в 1876 году правительство уничтожило прибалтийское генерал-губернаторство и бросило заботы о религиозном вопросе.

Но, выбитый из своей колеи и брошенный на полудороге, религиозный вопрос стал тормозом для всех других правительственных мероприятий в крае. Все благие начинания правительства разбиваются о раздражение, как бы узаконенное мерою 19 марта. Пока этот тормоз стоит на дороге, а не сброшен с нее, до тех пор никакие меры для благоустройства края не достигнут своей цели, потому что окажутся в противоречии с почвою, на которую поставлены расположения представителей края политикою 19 марта, неведомо для нее самой.

Но в особенности тяжело отзывается эта политика на состоянии религиозных дел в крае.

Администрация, охваченная со всех сторон теми же нудящими, противоположными стремлениями, но не имеющая власти и силы генерал-губернатора, не может ориентироваться на той почве, на которой терялись начальники края, облеченные полномочиями и личным доверием Монарха. Каждый случай вызывает в ней нерешительность, ожидание разъяснений свыше, потеряна почва для определения, что законно, что незаконно. Но и разъяснения, даже настояния свыше не всегда могут дать ей необходимую бодрость и решительность, потому что на месте всегда найдутся недоумения, требующие дополнительных разъяснений и т.д. Таким образом, напр., возникшее в эстляндской губернии стремление крестьян к православию на каждом шагу встречает почти неодолимые затруднения, и все законодательство по этому предмету, столь ясно поставленное повелениями Императора Николая Павловича, не отмененными доселе, не признается представительными классами и колеблется в руках администрации. Даже право свободного перехода в православие, без стеснительных форм, потребовало, для своего ограждения, напряженных усилий со стороны Обер-Прокурора св. Синода. Затем: приобретение участков под постройку православных церквей, причтовых и школьных помещений, приискание временных помещений для них, повинности в пользу пасторов и т.д., все стало вопросом, доселе не получившим окончательного разрешения и решительного со стороны самой администрации применения. Мера 19 марта, посеяв уверенность в господстве в крае, послужила нравственною почвою для этих колебаний.

В частности, отмена предбрачных подписок, в среде напряженных страстей национальных и политических, внесла растлевающие начала в ту священную среду, именно семью, интересом которой главным образом прикрывались деятели 19 марта, ожидая от нее истинно религиозного воспитания детей, сближения гражданского и т.д. Вместо свободы совести оказались в этом священном приюте разнузданность страсти, узаконение гражданского сепаратизма, или раздор.

Свобода выбора родителями исповедания для детей оказалась мифом, православная совесть угнетена и подавлена. Неискренность, прельщение, обман при заключении смешанных браков, стали обыкновенным явлением в крае. Такие браки там потеряли нравственное значение, уступив место расчетам материальным, честолюбивым и под. Прельстить выгодную невесту разными способами, в случае настойчивости со стороны ее или родителей и родных относительно воспитания детей в православии обещать, затем под разными предлогами уклониться от подписки пред браком, а после брака отказаться от данного обещания, пригнести супругу – это практикуется не легкомысленными только людьми, но и лицами представительными в обществе, гордящимися образованием и культурою своею (недавний пример с гр. Барклай де Толли-Веймарном). В крестьянской среде дело идет проще: ей издавна внушили, что согласие на

брак с лицом лютеранского исповедания есть уже согласие на крещение и воспитание детей в лютеранстве. Не только агенты пасторов и фанатики лютеранства, но и местные суды блюдуть за точным исполнением этого условия. Сопротивление православной половины в таких случаях влечет за собою печальные последствия. Рижский епископ Донат, в отзыве своем на имя Обер-Прокурора св. Синода от 17 декабря 1884 г. за № 6420, между прочим указывает на примере вольмарского православного крестьянина Баллода. Женившись на лютеранке, этот крестьянин крестил ребенка, рожденного от этого брака, в православную веру. Но жена, по влиянию родителей, заявила, что крещение совершено было против ее воли. Этого оказалось достаточным, чтобы признать крещение насильственным, а виновника его предать суду за насилие совести жена. Суд приговорил его к тюремному заключению, а жена, забравши в его отсутствии все его имущество, переселилась на жительство, с ребенком, к своим родителям. Более 10 лет затем этот крестьянин добивается возвращение ему имущества и развода с женою, но бесплодно.

Лица, давшие подписки крестить и воспитывать своих детей в православии, поколеблены на своем обязательстве. В том же отзыве преосвященного Доната находим, что из числа 6032 детей, родившихся от таких браков в течении 1880, 1881 и 1882 гг., крещено в лютеранство 2315. От число православных супружеств крещено в лютеранство «по нужде» за этот же срок, до 350 детей.

Эта «свобода» крещения и воспитания детей в лютеранстве послужила соблазном и для лютеран, проживающих во внутренних губерниях. Для избежания предбрачных подписок, такие лица нередко, под разными предлогами, склоняют православную половину совершить бракосочетание в пределах прибалтийских губерний и затем крестьян и воспитывают детей в лютеранстве. Другие, давши подписки, приезжают в эти губернии на случай родов жены и здесь или «по нужде», или прямо по установившемуся обычаю, крестьян новорожденного в лютеранство.

Лица военные, состоящие в браке с православными, на которых не распространяется действие Высочайшего повеления 19 марта, квартируя в крае, часто, по тому же отзыву Пр. Доната, подчиняются давлению местной лютеранской среды и крестят своих детей в лютеранство.

Последствия для семьи, для религии, для воспитательного духа, от такого нарушения церковных обязательств, от всех этих ухищрений, изворот, соблазнов и угнетений понятны без объяснений. В крае более и более развивается легкое отношение к семье, к религии, к детям. Не редкость случаи, что легкомысленные родители обращают выбор исповедания для своих детей в забаву, и, не уважая религии, глядя на нее как на неизбежный в гражданской жизни ярлык, крестьян своих детей – одного в лютеранство, другого в православие, третьего в католичество, и гордятся такою «свободою совести»…

В настоящую пору религиозны вопрос в прибалтийском крае вновь поднялся со всею силою. Уже не представители сословий возбудили его, но сам народ, тот народ, именем которого столько злоупотребляли виновники возбуждения его в шестидесятых и семидесятых годах и виновники меры 19 марта. Если православная среда постепенно вынуждена была смолкнуть и значительная часть ее, под гнетом обстоятельств невольно признала господство в крае лютеранства и подчинилась ему, то теперь из самой лютеранской среды поднялся громкий протест против клеветы на православие, как на обман и насилие совести религиозной во имя национальный и гражданских страстей привилегированных сословий. Народ снова вызывает о своем желании быть в единстве с Царем и с русским народом, просить оградить его от насилия и препятствий к исполнению этого своего желания. Он ищет в православии не только духовной пищи, которой не дает ему лютеранство, но и того руководственного духа в борьбе за свои гражданские стремления, который поддерживает в недоле, ободряет малодушных, подкрепляет слабых, ограждает бодрых, поднимает падших. Он никогда не примирится с мыслью, чтобы из за совращенных и отпадших можно было лишить твердых и непоколебимых в православии этого утешения, ободрения, поддержки, опеки б. закона, –

никогда не убедится, чтобы царская вера не была господствующей в крае и допускала лютеранство до полного произвола над православием, в семье, на детях».

И так, приведенная записка, как мог видеть читатель, представляет ясные доказательства, что смешанные браки, даже в той форме, какую им дал закон Петра Великого, суть только искусственный компромисс, одинаково не удовлетворяющий ни православных, ни иноверцев. Быть может, он и имел некоторый смысл для своего, когда среди сплошного русского населения, исповедавшего православную веру, проживало несколько шведских пленников, не имевших возможности достать себе жен – единоверок. В настоящее время условия жизни в России иные, – и смешанные браки как для ксендзов, так и для пасторов, как показывает приведенная записка, могут служить только средством к разжиганию политических и национальных страстей. Спокойствие стране в этом отношении может быть гарантировано лишь точным соблюдением церковных канонов. Нам следовало бы поучиться у иноверцев: они одобряют женитьбу на православных девушках; но выхода в замужество за православных своим девицам не дозволяют. Католичкам, вступившим в брак с православными, ксендзы не дают даже абсолюции, т.е., разрешения грехов; а пасторы своих немок порицают публично, даже с церковных кафедр.